АКАДЕМИЯ МАГИИ
АРДМИР МАРИ
НЕКРОМАНТ-САМОУЧКА,
ИЛИ ФОРМЕННОЕ БЕЗОБРАЗИЕ

Annotation

В жизни каждой девушки наступает момент, когда ты стоишь перед важным выбором, ответить счастливое — «да» или отрезвляющее — «нет». И лучше, если вопрос касается скорого замужества… а не тюремного заключения. Впрочем, мне, Намине Сумеречной, особо выбирать не пришлось: либо три года обучения в военной академии королевства Тред бок о бок с «нечаянно убиенным женихом», либо смерть. Вернее, моя жизнь в счет сотни лет, отобранной у метаморфа. И не важно, что у рыжего Дао-дво в запасе еще два века, а все произошедшее — чистая случайность.

Ардмир Мари
Некромант-самоучка, или Форменное безобразие

© Мари А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Тренировка вот-вот начнется.

Мы должны спешить и в то же время обязаны отменно отыграть свои роли до конца. Поэтому вот уже десять минут подряд мы изображаем страсть на атласных простынях, будучи не совсем раздеты и частично вооружены. Так как Гер на прошлых занятиях потянул спину, сегодня ведущей была я. Однако, сидя на нем верхом и раскачиваясь в такт диктуемым прикосновениям, я все больше убеждалась в том, что командует здесь он.

— Прогнись, — прошептал метаморф, уверенно придерживая меня за бедра и направляя.

— Куда прогнуться? — Я прикусила губу от ноющей боли в собственных икрах. Казалось бы, простые скачущие движения, а сколько сил забирают.

— Назад, — сдавленный стон. И Дао-дво лицом уткнулся в мою скрытую корсетом грудь, чтобы тихо прохрипеть: — Будь проклята моя спина…

— Терпи, еще чуть-чуть осталось.

Прогнулась со вздохом — у самой невыносимо ныли плечо и шея, но это мелочи. У меня хотя бы не разодрана нога.

Взглядом скользнула по зеркалу справа, в очередной раз убеждаясь, что даже наш одетый вид не портит впечатления. Гер, крепко сжимающий меня, и я, сладострастно выгнувшаяся в его руках, выглядели как настоящие любовники, стонали, как они, и дышали, наверное, так же — поверхностно и тяжело. «Влюблены, безумно влюблены и думать забыли о тренировке», — читалось в каждом движении, и я уже представила, что донесут о нас соглядатаи и с каким лицом их выслушает советник короля.

Медленно склонилась над протяжно простонавшим многоликим, пальчиками зарылась в его волосы и мягко оторвала от своей груди.

— Ты как?

Он не ответил. Бледный даже в свете красных свечей, мокрый, глаза закрыты, губы сжаты, а нос заострился.

— Герберт, не пугай меня своим молчанием!

— Я… бедро недолечил, — сквозь стиснутые зубы признался метаморф.

Швы расходятся, поняла я и, сдвинувшись выше, прошептала:

— Держись, мы почти всех соглядатаев отвлекли от слежки.

— Скорее бы… — Рыжий отпустил меня, упал на подушки и затих.

— Гер? — тревожно позвала я и склонилась над сообщником в обмане. — Гер, ты решил местами поменяться, или тебе совсем плохо?

— Предоставляю тебе полную свободу… — Меня похлопали по коленке и, чуть хрипя,

проинструктировали: — Покачайся еще немного и заканчивай. Скоро тренировка.

Я представление закончила.

Я так его закончила, что свечи погасли, мой «любовник» взвыл раненым зверем — нечаянно села на его рану, а комнату огласило мое счастливое: «О да!» Свечи погасли, соглядатаи с воплями разлетелись проверять вверенных им подопечных. А я споро помогла рыжему подняться, сама, без просьб, залечила его бедро и даже рубашку на нем застегнула. Вручила сумку с оружием, спросила:

— Пошли?

Кивнул и не двигается с места, внимательно смотрит на меня, словно бы видит в первый раз. Недоумевает.

— Гер, — погладила его по сжатой в кулак руке, — тебе все еще плохо?

— Нет.

— Отложим тренировку? — Отрицательно покачал головой и сглотнул. — Тогда что? — спросила с тревогой.

— Намин, знаешь… — произнес он тихо, — познакомься мы при других обстоятельствах, я бы не шутил над тобой и твоими страхами, в воду не кидал, не оставлял бы одну…

Многоликий перечислил немногие из своих проделок, но я постаралась остальные не вспоминать. Улыбнулась и так же честно призналась:

— А я бы лечила тебя более щадящими способами, не вызывая боли и слез.

— Что ты сказала?! — прохрипел он.

— Я сказала, что мы квиты.

В повисшей тишине мы несколько мгновений напряженно смотрели друг на друга, прежде чем Гер многообещающим и взрослым тоном произнес: «Обсудим позже». И повел меня к тайному проходу в стене. Следуя за ним, мысленно согласилась, встреться мы при иных обстоятельствах, все было бы не так и, возможно, скучно.

Глава 1

Светлое майское утро в долине Дельи было по-весеннему свежим и невероятно солнечным для Приграничья. В крепости прошла смена караула, ворота открылись, и почти сразу же на улицах города послышались первые призывы торговцев к покупателям. Они спешили донести благую весть о свежих поставках кофе, корицы и хлопковых тканей, что так ценились в людском Приграничье.

Прислушиваясь к их голосам, Тагаш Уо раскладывал вещи молодого господина по полкам гардеробной и тихо насвистывал родные сердцу напевы. Загородный дом рода Дао-дво все еще был тих и безмолвен, едва прибывшее семейство не спешило вставать из постелей, и слуги, словно призраки, беззвучно передвигались по коридорам, исполняя свои обязанности. Вокруг царил мир и покой, ровно до тех пор, пока в гардеробную комнату не влетел всклокоченный рыжий метаморф.

Найдя взглядом своего наставника, он воскликнул:

— Даррея женят!

— Ч-что…?

— Я тоже в восторге от сообщения, поэтому ухожу. Перед отцом прикроешь?! — И, не дожидаясь ответа, он выхватил из рук Уо рубашку, белье с полки и брюки с вешалки, прошептал: «Спасибо!» И быстро сбросил с себя грязные лохмотья, что некогда представляли собой дорогой костюм для верховых прогулок.

— Но позвольте, Герберт! — Седовласый воин подобрал и частично поймал обрывки одежд и суровым тоном напомнил: — Вам не стоит покидать дом. Менее чем через два часа состоится общесемейный сбор за завтраком. — И вкрадчиво: — Гер, вы должны присутствовать.

— Поэтому я и прошу, чтобы ты прикрыл меня! — сверкнул глазами многоликий.

— Вы не придете?

— Тагаш Уо, повторюсь — Даррея женят! Я обязан посмотреть на нее.

Молодой искатель нового и невероятного споро застегнул рубашку, потянулся к брюкам. В свои двадцать два года он уже превосходил в росте отца и дядю, догнал в скорости перевоплощения кузенов, но все еще оставался мальчишкой и любителем приключений. Отчего дома он по большей части отсутствовал, а в оставшееся время его лицо освещали предвкушающий взгляд и проказливая улыбка, точь-в-точь как сейчас.

— Я быстро.

— И все же останьтесь, — не унимался наставник.

— Не могу, это слишком большое искушение! — Карие глаза метаморфа сияли, как звезды в ясную ночь. — Ты только представь, она человечка из бедной семьи. Ни денег, ни магии, ни примеси в крови. Чуть старше семнадцати, средняя дочь деревенского старосты, и все ее приданое, — он сделал паузу и с веселым недоумением усмехнулся, — баран!

— Может быть, варан, — предположил Уо, качая головой.

Варанов в Треде почитают за священных животных, в этом случае девица хоть немного соблюдет традиции многоликого народа. А впрочем, она в любом случае оставалась бы одной из самых непрезентабельных невест, какую можно было бы предложить даже безродному метаморфу.

— Да нет же! — Гер потянулся к обуви. — В договоре написано ба-ра-н, серый окрас,

крутые рога, вес 80 кг!

— Как вы увидели договор? — насторожился воин. Уж он-то своего господина не первый день знал. — Вы взломали сейф в кабинете главы рода?

— Конечно! А как иначе я бы, по-твоему, узнал о женитьбе кузена? — с возмущенным весельем развел руками рыжий авантюрист. — Услышал, как грифон расхваливал девчонку для Даррея, и аккуратно проверил свои догадки.

— Эррас Тиши нахваливал? Советник вашего дяди? — уточнил наставник, бледнея, и грязные тряпки выпали из его рук. Он поднялся, кашлянул, что-то вспомнив, и хрипло произнес: — Простите, мой господин, но в этом случае я настаиваю, чтобы вы остались здесь.

— А я настаиваю, чтобы ты меня прикрыл, — безапелляционно заявил Гер. — Я о счастливом известии уже наслышан, — ухмыльнулся и подмигнул, — осталось узнать, почему его считают таковым.

— Это чужие игры. Останьтесь дома.

— Не могу. — Многоликий надел легкие сапоги и, притопнув ногами, постановил: — Даррей всегда получал лучшее. Лучшее!

— И что с того? Герберт, вы самостоятельно добьетесь наилучшего.

— Добьюсь, как только узнаю, в чем выгода… — И из светлой гардеробной метаморфа младшей ветви рода Дао-дво вылетел стремительный стальной ястреб.

Несколько мгновений седовласый воин потрясенно смотрел туда, где только что произошло новое невероятное обращение подопечного — в птицу. Им была взята очередная вершина видового круга ипостасей, и превратился он отнюдь не в хрупкого зяблика, впервые ставшего на крыло, а в матерого хищника.

— Опять всю ночь обращался. — Тагаш Уо со вздохом закрыл ставни, покачал головой. — Глупый дымчатый ягненок.

Улетая, многоликий его слышал, но глупым себя не считал. Разве может быть глупым тот, кто без родственных связей и крупных взносов самостоятельно поступил в военную академию Треда? Или тот, кто по вариантности оборотов превзошел родственников чистокровных королевских кровей? Ведь ни Даррей, ни Макфарр еще не научились принимать облики птиц. А он, Герберт, смог и всего за одну ночь научился летать!

— Такому, как я, все по плечу. Что захочу, то получу! — процитировал Дао-дво и устремился к горизонту.

Маленькую деревеньку, затаившуюся в глухом лесу, он нашел не сразу. Приняв конусные крыши за соломенные стога, пролетел мимо нее дважды. Только на третьем заходе многоликий заметил движущиеся фигурки и с опозданием понял, что птичье зрение стало ослабевать. Силы уходят.

Прошедшая ночь была плодотворной и в то же время энергоемкой. Когда он, неоднократно падая с крыш и заборов, раздирая не только одежду, но и собственную шкуру, продолжал раз за разом совершать сложное перевоплощение в надежде добиться результата, который позволил бы незаметно подслушать разговор между дядей и его советником. Однако сейчас сил в резерве молодого метаморфа осталось маловато. Гер предусмотрительно спустился вниз и, не меняя ястребиного облика, засел под крышей ближайшего дома. Переводя дух, нервно переступил лапами и огляделся по сторонам.

Птичье зрение ухудшалось с каждым мигом, постепенно пропадал и слух, уже не улавливающий мошкару, крутящуюся в паре метров от многоликого. Прав был Тагаш, не

пуская его. После бессонной ночи следовало выспаться и нормально поесть, так нет же, какая-то муха укусила примчаться спозаранку в глухомань. Туда, где даже в седьмом часу деревенские носа из дома не высовывают.

«Лентяи!» — неуважительно окрестил их Гер и с удивлением увидел охотников, выходящих из леса. Трое, едва стоящие на ногах, пустые — без дичи, но довольные. И каково было его удивление, когда один из них резко остановился, вскинул простенький арбалет и произнес, пришептывая:

— Штальной яштреб на доме штарошты — мой!

Удачно приземлился, подумал Дао-дво, отслеживая движения пошатывающегося охотника. Ведь как говорится — дуракам везет, а Геру совсем не хотелось стать дичью одного из них.

— Мерещится тебе, — отмахнулся второй не менее пьяный мужик и похлопал себя по животу, туго обтянутому кожаной жилеткой. — Откуда в нашей глуши ястребы, да еще стальные?

— А медведь золотистый тоже мерещился? — возмутился третий и, икнув, рухнул в кусты чертополоха.

— Когда через заросли шел, не мерещился, а когда за деревню спросил — мерещился, — подумав, произнес самый недоверчивый, даже не представляя, что дорогой у них интересовался сам наследный принц Треда.

— Вот так дела… Ее и Тэннон Дао-уно ищет! — прошептал крайне удивленный метаморф.

В это мгновение в колючих кустах раздалось горестное: «Всю дичь, мерзавец, распугал…»

— Не вшу, — заверил пришептывающий и выстрелил.

Звук разбитого стекла, падение осколков, тихий вскрик и бабий ор:

— Ганту! Душегуб окаянный, живо домой! — Из разбитого окна высунулась пухлая женская рука со сломанным болтом в кулаке. И голос возопил: — За испорченное стекло со старостой собственной шкурой расплатишься. Паршивец!

Она еще не договорила своих угроз, а троица незадачливых охотников уже отползла под чертополох, чтобы оттуда, не боясь, достойно ответить громогласной женщине. Их сердитый бубнеж многоликий слышал, но слов уже не различал, чертыхнулся, чувствуя, как из тела уходят последние силы. О возвращении в долину Дельи речи уже быть не могло, следовало переждать истощение в укромном месте или же в удобном для отдыха облике. Например, обернуться лелеемым домашним питомцем, коего не привлекают к работе, плотно кормят, гладят и развлекают. И пробравшись в тихий дом через разбитое окно, аккуратно облетев все еще возмущающуюся кухарку, Гер полетел в коридор к лестнице, а оттуда наверх под крышу, где располагались хозяйские покои.

Найти подстилку любимого домашнего зверька труда не составило, обернуться желтоглазым лемуром так же, сложность заключалась в том, что сам питомец был здесь же, сидел на полке среди любовных историй и взирал на метаморфа с долей иронии и, как ни странно, радостного превосходства. На фоне достаточно скромной обстановки девичьей спаленки этакая редкая зверюшка с полосатым хвостом смотрелась диковинно, впрочем, так же как и книги по некромантии на столе, полосатые чулки ведической школы на стуле и обглоданный череп горной антилопы на стене. На кости близ пустых глазниц было что-то нарисовано, то ли руны, то ли завитушки заклятий, а может, и просто мазня, которую Дао-

дво не мог разобрать, да и не успел. На лестнице послышались легкие шаги.

— Гирби, где ты, малыш? — позвал нежный девичий голосок, от которого настоящего лемура основательно тряхнуло. Его шерсть стала дыбом, глаза увеличились вдвое, хвост тревожно забил по стене, и в следующий миг он опрометью кинулся в платяной шкаф. Скинул с полок белье с рюшами, зарылся в кучу тряпья по самый нервно принюхивающийся нос и затих.

Странное поведение для лелеемого питомца, отметил про себя многоликий, ощущая смятение и тревогу желтоглазого. И чем ближе были шаги незнакомки, тем сильнее беспокоился зверек. Метаморф младшей ветви рода Дао-дво и сам уже захотел спрятаться в шкаф или под ту же кровать, но не успел. Дверь скрипнула, и в спальню вошли две стройные ножки в тряпичных домашних туфельках.

— Гирби? — Носочки обуви повернулись к нему, Геру, и сверху радостно воскликнули: — А вот и ты, — и со вздохом облегчения, — даже искать не пришлось.

И Герберт ни за что бы не услышал в ее словах опасности, если бы не увидел, как лемур, чуть вынырнув из кучи белья, с отчаяньем тянет на себя тяжелые створки шкафа. И проделывает он это, не шипя и рыча, а безмолвно и тихо. Закрыл, оставив небольшую щелку для наблюдения, и выдохнул, как показалось — с облегчением.

А сверху раздалось пугающе спокойное:

— Ну, как сегодня убивать тебя будем?

Многоликий не поверил услышанному, поднял голову вверх и столкнулся с веселым взглядом сероглазой девчонки. Светленькая, с веснушками на белых щечках и худая, как ребенок. Ее изящные пальчики в перчатках, вопреки холодящим душу словам, нежно погладили метаморфа. — Есть желание опробовать болотную хворь?

Он всем телом дрогнул.

— Нет? Ладно, тогда проверим что-нибудь менее смертельное. Или не менее…

И что-то металлическое с неприятным щелчком застегнулось на шее Герберта. Первый порыв обернуться человеком и со стыдом признаться во всех грехах сменил второй — сбежать. Но магический ошейник не позволил сделать ни того, ни другого. И пленившая его человечка, наблюдая за безрезультатными рывками, со смешком заметила:

— Ну-ну, глупыш… раньше надо было прятаться. А теперь поздно.

— Раньше?! — воскликнул Дао-дво, подняв ошалелый взгляд на сероглазую незнакомку, но издал лишь приглушенное «мряу!».

— Поздно-поздно, — заверили его и, подхватив на руки, куда-то понесли.

Пролет, еще пролет, когда она пронесла его мимо зеркала, многоликий с отчаянием узнал в ошейнике артефакт Хао. Такой самому снять нелегко, а в его истощенном состоянии попросту невозможно. И отчаянное «Мру-у-у!» огласило дом и оборвалось, как только они вошли в неприметную дверку под лестницей.

* * *

Прекрасный день! Великолепный день! Самый лучший день в мире!

Во-первых, сегодня праздник Огнекрылой Бляхи, поэтому дом, как и деревня, почти пустует с самого раннего утра. А это значит, что никто не попытается сорвать эксперимент, спасти подопытного или отвлечь меня. А во-вторых, молчаливое спокойствие Гирби

невероятно радовало. Лемур не истерил, безостановочно мяукая, не кусался, не нервничал, не пытался меня оцарапать. Он просто жалобно смотрел на меня своими огромными желтыми глазами и лапкой нет-нет да потирал свой черный нос.

— Не бойся, больно не будет. Мы всего лишь пройдем то, что я нашла и проработала за предыдущий месяц, — заверила искренне и пригладила его шерсть.

Удивительно, но сегодня она отливала сталью и была словно бы шелковистая. Жаль, такую красоту Черное наветрие несомненно испортит… Последнее, видимо, произнесла вслух, потому что мой питомец неожиданно взвыл, но даже хвостом за перила не ухватился. «Смирился!» — в очередной раз обрадовалась я и поспешила навстречу открытиям, ну или опытам живодерни, как это в шутку называют мои родные. Им-то весело, а мне…

А мне с первого дня жизни везет как утопленнице. Так уж получилось, что роды у матушки были тяжелыми, и отец, дабы спасти нас обеих, обратился за помощью к заезжему ведьмаку Корвиусу. Тот, не будь дурак, помог и деньги получил, но чтобы не брать на душу грех спасения, вручил дар Смерти мне. Родителей не предупредил, уехал, сказав напоследок, что лет через пять навестит. И либо он с математикой не дружил, либо забыл вовсе, но суть подарка я поняла лишь в девять лет, когда дубовая детина Микол моего брата бить потащил. Сама я ничего понять не успела, помню лишь, что задиру за руку схватила, а он вдруг как подкошенный упал. Нет, не умер, но две недели проспал в мертвецкой. Вот тут отец мой о ведьмаке вспомнил и письмо ему послал. А как не вспомнить, когда все жители деревни решили меня если не сжечь, то утопить, а если не утопить, то живой закопать. Смертьнесущая достойна только смерти. И пока соседи планы возмездия строили, родители ждали ответа, но вместо письма к нам прибыл гость. Прилетел средь ночи черным вороном, обернулся человеком и постучал в наш дом.

Октован Кворг, подтянутый мужчина средних лет, чью черную шевелюру до плеч украшали три седые пряди, оказался метаморфом и по совместительству — преемником почившего ведьмака. Он утихомирил деревню, поднял на ноги Микола и со скупой улыбкой хитреца поведал мне о смертоносном даре. Неприятное открытие. Пусть мне и было девять лет, но за две недели ожидания расправы я иначе посмотрела на свою жизнь и мир в целом, а услышав историю о собственном рождении, задумчиво произнесла:

— В счет прошлого спасения я получила проклятый дар. Чем наградите в этот раз?

На мгновение ведьмак смутился, но ответил прямо.

— Я подарю тебе друга. — И многоликий протянул мне крохотную статуэтку серого животного с желтыми глазами и полосатым черно-белым хвостом. — Это Гирби, и он станет единственным существом, прикасаясь к которому ты можешь перчатки не надевать.

— Какие перчатки?

— Эти. — И мне вручили редкие для наших краев изделия из тонкой материи телесного цвета, а затем скупо объяснили зачем: — Со временем твоя сила будет расти все быстрее, побереги окружающих, Намина, и волю ей не давай.

Я и берегла. Изо дня в день носила перчатки и, боясь навредить, реже к людям прикасалась, как к родным, так и к чужим. Время летело стремительно, и все бы хорошо, да только Анхей, парень, приехавший к нашей соседке, глаз на меня положил, а потом и руки, а после… первый поцелуй для меня стал для него трехмесячным сном. В этот раз отец не ждал явления Кворга — сам за ним поехал, сам привез. И каково же было мое удивление, когда ведьмак сказал, осмотрев пострадавшего:

— Что ж так рано? Подобная сила обретается лет так в тринадцать, не раньше.

И у этого с математикой нелады.

— А мне уже пятнадцать! — вспыхнула сердито.

— А тебе не дашь, — усмехнулся метаморф.

— Ну, спасибо на добром слове!

И как не возмутиться, если каждый встречный малявкой зовет по причине моей худосочности. Вот сестры да, что старшая, что младшая, красивы — в мать, а я, как и брат, в отца фигурой. Но если Россу костлявая худоба идет, то мне — отнюдь, и от мальчишек меня лишь коса до пояса и отличает.

— Что ж если пятнадцать есть, значит, ты идешь в ведическую школу.

— Но… как же, я ведь даже не… — в смятении посмотрела на родителей. Обучение в ведической школе? Мы такое в денежном плане не потянем, я это точно знаю. Но вслух произнесла: — У меня нет на это ни времени, ни желания, ни…

— Ни выхода из положения, — заключил Октован Кворг и поднялся с постели спящего Анхея. — Твой дар будет и дальше развиваться. В конечном счете станет опасно прикасаться не только к твоим губам, но также к волосам и коже, а после даже рядом стоять будет невозможно.

Мама, глядя на меня, заплакала, папа лишь кулаки сжал, а я спросила:

— В ведьмы идти обязательно?

— Да. Убивать ты сумеешь и без образования некроманта.

Ужас какой!

— И пока я ищу решение в книгах темного искусства, ты будешь изучать исцеление. — Ведьмак глазами указал на спящего парня. — В противном случае проблем с сокрытием трупов не оберешься. — И со знающей улыбкой добавил: — Их же нужно скрывать, затем закапывать или сжигать, объяснять защитникам правопорядка пропажу друзей и ухажеров.

Делать нечего, я согласилась. Но едва в ведическую школу пошла, на него одного надеяться не стала. Во-первых, новый ведьмак, как и старый, с памятью не дружит, во-вторых, если он за последние шесть лет ответа не нашел, то какие уж тут надежды, и, в-третьих, он-то ищет, а время идет. В старших классах девушки уже с парнями встречаются и замуж спешат, а я… А я чем хуже? Неужели мой удел лишь издали на Тамиша, старосту класса, смотреть. Выискивать во дворе школы его светлую голову, теряться от взгляда васильковых глаз и мечтать, что когда-нибудь он с загадочной улыбкой будет шептать свои истории мне, а не Катьке из Нагибы, которая знать не знает, что ржать как лошадь девушкам нельзя.

Вот и взялась самостоятельно за ковку счастья. В библиотеке книги нашла, затем заказала пару-тройку в городе Треда близ нашего Приграничья и на каникулах начала ставить эксперименты. Гирби своей подопытной роли был отнюдь не рад, но раз уж он мои прикосновения терпит и не умирает, значит, его умертвить невозможно.

И в этом я была уверена ровно до сегодняшнего дня…

Дня, когда неубиваемый подопытный неожиданно затих. Он стойко перенес Золоченое забвение и Черное наветрие, но перестал дышать, как только я наслала Поцелуй красных роз. А ведь раньше он это проклятие безболезненно переносил и не срывал эксперимент на середине. С тоской посмотрела на зверька и оборвала опыт. Гирби теперь до рассвета проспит, а мне для экспериментов придется ждать следующих каникул. Обидно до слез. Целый месяц лемуру под хвост, а я так и не узнала, почему сочетание трех смертельных проклятий не позволяет мне забрать жизнь.

Закрыв все пробирки, потушив свечи и стерев знаки некроманта со стола, я подняла питомца на руки и отправилась в спальню. Там уложила подопытного на кровать и освободила от ошейника — очередного подарка Октована Кворга. Едва ведьмак узнал о моем желании экспериментировать, незамедлительно вручил мне артефакт Хао со словами: «Без него в пыточную… пытательную… то есть испытательную Гирби не бери», и уже ему, лемуру: «Твое беспрекословное сотрудничество упростит наш расчет». Не знаю, о каких счетах шла речь и на что рассчитывал метаморф, обращаясь к питомцу, но зверек, как был капризным, громким, наглым, агрессивным и мстительным, таким и остался. Изменилось лишь то, что есть он начал за троих и не стеснялся с едой забираться на мою кровать. В общем, обнаглел окончательно.

Погладив его за ушком, с сожалением посмотрела на последствия смертельных проклятий. Стянула перчатку и, аккуратно прикоснувшись пальчиками к оставшимся островкам неповрежденной шкуры, прошептала формулу восстановления. Истлевшие проталины и бордовые борозды очень медленно, словно бы нехотя, исчезли, возвращая шелковистой шерстке стальной цвет и убирая из полузакрытых глаз зверька остатки Золоченого забвения. Как ведьма я этого заклинания знать не должна, но как некромант-самоучка имела полное право на его использование. Что-что, а именно оно помогло мне избежать двадцати трех обвинений в нанесении умышленного вреда, десяти — в попытке убийства и одного — в акте лишения жизненных сил. Хотя если быть честной, то я бы с радостью понесла наказание за последнее преступление и оставила парня страдать. Потому что поцеловать меня наш староста Тамиш решился на спор. Убить не убила, но в отместку наградила длительной головной болью. И вроде бы квиты, однако разочарование гложет до сих пор.

Внизу хлопнула дверь, и мама позвала меня.

— Бегу!

Глава 2

Пробуждение было сродни смерти, выворачивающее кости из суставов, сдирающее кожу и выдалбливающее агонией мозг. Уникальное сравнение для живых, но Герберт уже точно знал, каково это — умереть и потерять одну из трех своих жизней. Проклятье! Возможность прожить триста лет сократилась до двухсот, и он уже ничего не мог поделать с этим. Простонал ругательство в честь сероглазой некромантки и едва попытался сделать вдох, как раскаленный жгут боли пробил его грудь, чтобы свернуться в легких расширяющимся обручем.

От последующего выдоха со вкусом крови многоликого выгнуло дугой. Неосознанный оборот из лемура в человека окончательно разорвал его и без того пострадавшие тканевые покровы. И не успел он прийти в себя после болезненного обращения, как на руках появились непропорционально большие для птицы когти, на лице клюв, а на спине неожиданно начали расти огромные крылья. Вспоротое ими одеяло выдохнуло белый пух высоко вверх, который, словно снег, плотным слоем укрыл скованного судорогой Гера. Это длилось не более пяти минут, но он уверился, что умер вновь.

— Убью! — прохрипел метаморф младшей ветви рода Дао-дво, с трудом убирая последствия странного оборота, и, пошатываясь, направился к шкафу.

Створка скрипнула, на звук из белья высунулась знакомая лупоглазая морда, сонно потирающая нос. И именно этой морде Гер сказал:

— И начну с тебя…

* * *

Выслушав родителей, я застыла, как громом пораженная. На мгновение в кухне значительно потемнело, а затем потолок неожиданно стал ниже, а окна словно бы меньше и дальше. И дабы не оказаться на полу, я предусмотрительно села за стол, оказавшись лицом к лицу с незваным гостем. На благородную сволочь, а это видно было по лицу, посмотрела лишь мельком и погрузилась в невеселые раздумья. Это что же, разговор о приданом в прошлый мой приезд шуткой не был? Удивленно перевела взгляд с улыбающейся матери на хмурого отца. Нет, быть такого не может! Их наверняка в заблуждение ввели, сыграли на чувствах мамы, желающей мне счастья и любви.

Что значит замуж? Что значит фиктивно? Почему за метаморфа, да еще знатного рода? Почему сейчас? Я, может, и нашла, как свой дар усмирить, но избавиться от него еще не успела. Да и не хочу я замуж за неизвестного парня… ни сегодня и вообще никогда.

И не успела и слова против сказать, как Эррас Тиши мужчина, коего мне представили советником великого полководца Нубуса, с улыбкой вопросил:

— Так вы согласны выйти замуж за Даррея Дао-дво?

— Нет! — Я ответила жестко, будучи уверенной, что родители не захотят давить. Отец и поддержал кивком, мама расстроилась, а черноглазый гость попросту не услышал.

— Скажу прямо, мы не настаиваем на настоящем браке, а всего лишь заблаговременно вербуем вас, — и с улыбкой добавил: — Сроком на три года. Ввиду вашей юности задействовать вас сейчас же не представляется возможным, — кривая усмешка. — И все же

мы щедро оплатим все время этого союза.

— Нет.

Он не заметил и этого ответа, продолжил излагать:

— Как вы понимаете, в высшем обществе Треда этот брак будет осужден, но не оспорен.

— Нет. — Я прямо посмотрела на незваного гостя, что так вольготно расположился за нашим обеденным столом и делает мне, пожалуй, самое абсурдное предложение.

— И все же, послушайте… — взмахом руки попытался остановить меня Эррас Тиши.

— Нет уж, это вы послушайте. Ваша настойчивость приведет лишь к тому, что вместо фиктивной жены в вашем роду появится фиктивная вдова.

Он улыбнулся моей угрозе и чуть кивнул головой, спрашивая:

— Намина, что вы знаете об играх Смерти?

— Лишь то, что участвовать в них я не должна.

Это мне раз двести, если не триста сказал ведьмак. И я, памятуя о том, что предположения и прогнозы моего наставника всегда сбывались, не желала идти против него.

— Похвальное заблуждение, — усмехнулся гость и мизинцем потер тяжелый подбородок. — Несомненно, на этом настаивал Октован Кворг. Но поверьте, дитя, сюда я прибыл именно из-за него.

Он не мог, не мог рассказать обо мне! Это сообщение легло бы черным пятном на репутацию почившего старца и собственно его последователя, уничтожило доверие и множество регалий, полученных ведьмаком за заслуги перед королевским двором.

— Причина? — спросила я глухо.

— Видите ли, ваш наставник задолжал мне жизнь… — Долгая пауза для пущей весомости заявления, а следом невероятное сообщение: — И очень обрадовался, когда узнал, что может откупиться вами.

Не верю.

— Сожалею, но вы зря приехали. Я ничем вам не обязана, а что до Кворга, со своей задолженностью он справится сам.

— Не обязаны, — кивнул Тиши и многозначительно произнес: — Но это легко исправить.

Его нос стал острее, губы превратились в две тонкие линии и изогнулись в коварной ухмылке.

— Не сомневаюсь, — ответила я, — разрешите пожелать вам удачи в этом грязном деле.

— Благодарю.

Как ни странно, но, получив отказ, советник великого полководца Нубуса ушел довольный собой, чуть ли не пританцовывая. Так, словно бы играл в любимую игру и проигрыш в ее начале никак не влиял на выигрыш в конце. И не успела за ним захлопнуться дверь, как в кухне второй раз за день разбилось окно, вскрикнула тетя Клара, и на наш обеденный стол спланировал черный ворон. В следующее мгновение передо мной оказался Октован Кворг собственной персоной. Взмыленный, встревоженный и наполовину седой.

— Не подписала? — прохрипел он, стараясь отдышаться.

С признательностью взглянул на маму, подавшую ему воды, и беззвучно поблагодарил, припадая к кружке губами.

— Нет.

— Молодец…

— Я-то, может, и молодец, а вот вы — сволочь многоликая! Как только посмели мною

откупиться? — прошипела я зловеще, сдергивая с рук перчатки. — Как только язык повернулся заикнуться обо мне?!

— Намина… — позвал отец, — успокойся.

— Нет уж, я сейчас с наставником обстоятельно поговорю… А вот потом успокоюсь!

Метаморф, жадно пьющий и наблюдающий за мной поверх кружки, резко ее отставил и громогласно заявил:

— На разговоры времени нет, за тобой вот-вот нагрянет сам наследный принц Треда. Так что шагом марш наверх собирать вещи. Я тебя в школу верну, беспокоить тебя там они не посмеют.

— Тэннон Дао-уно? — недоверчиво переспросил отец и, получив кивок в ответ, несказанно удивился: — И зачем ему моя дочь?

— Да все затем же.

— Зачем «затем»? — насторожился отец, сжимая руки в кулаки.

— На игры.

О похождениях наследного принца королевства многоликих папа знал не понаслышке. За последний месяц он трижды отваживал посланников Дао-уно от первой красавицы нашей деревни. А затем и от второй, и от третьей, а после и от совсем уж страшненькой Нинры. И если раньше все думали, что принц завзятый бабник, устал от столичных красавиц, то теперь осознали суть его метаний — он искал меня.

— Они хотят заполучить ее в команду смертников, только в этот раз на соревнования внешнеполитического масштаба. — Ведьмак отставил кружку и, соскочив со стола, подал мне перчатки. Произнес с улыбкой: — Но пока Намина мала и никому ничего не должна, — последнее подчеркнул, — они не имеют права ее вербовать.

— Может, и не имеют, — нахмурилась я, подступая ближе к наставнику, — но знать-то они обо мне, откуда знают? Октован, признавайтесь, кто нашептал!

— Не я. — Метаморф шарахнулся в сторону от моей руки и перста указующего, коим я намеревалась ткнуть в его грудь.

Но едва он увернулся, я вновь оказалась рядом и протянула к нему уже ладонь.

— И кто тогда?

— Моя помощница, — со вздохом признал ведьмак, припертый к стене, и с раскаянием посмотрел на меня. — Она заказывала в столице книги по некромантии и попала под обаяние знакомого тебе хмыря…

Многоликий взглядом указал на двери, и я спросила:

— То есть вы не задолжали ему жизнь и не отдали в откуп меня?

— Жизнь задолжал, — криво ухмыльнулся Кворг и моими же перчатками шлепнул меня по носу, — но к тебе это не относится. Хотя… идея достойна рассмотрения.

— Что?!

— Ничего, — хмыкнул и уже серьезнее сказал: — Собирайся. Мы теряем вре…

В это мгновение что-то грохнулось наверху, и неизвестный голос прохрипел, заставляя дрогнуть всех присутствующих в кухне:

— Убью… И начну с тебя!

Кворг вскинул руки к потолку и потрясенно спросил:

— Намина, ты кого это в дом привела?

— Никого… но там Гирби! — воскликнула я и помчалась спасать питомца.

А его нужно спасать, ведь оставила зверька бездыханным после неудавшегося

эксперимента. И если ранее я была твердо убеждена в его неубиваемости, то теперь — нет.

— Стой! — раздался приглушенный приказ сзади и почему-то еще и впереди.

Остановиться? Да ни за что!

Я успела преодолеть лишь первый марш лестницы, когда на мою шею с диким «Мряу-у-у!» кинулся лемур, а пролетом выше вдруг объявился странный гость. Всклокоченный поджарый рыжий метаморф, полусогнутый и хрипящий, на сгорбленных плечах едва держатся прожженные лохмотья. И взирает на меня с ненавистью и отвращением.

— А вот и ты… — прохрипел неизвестный и вопреки папиному крику: «Не подходи!» бросился.

Этот миг ужаса Гирби огласил перепуганным воплем, понял тщетность спасения на моей шее и сиганул вниз, под ноги бегущему следом ведьмаку. Вскрик мамы, тройной выстрел из арбалета отца, и я оказалась прижата к стене рыжим! В испуге позабыв о перчатках, залепила многоликому пощечину. Поняла, что натворила, испугалась повторно, но метаморф не упал бездыханным, а грубо выругавшись, поймал мою руку. Эксперимента ради, и опять же от ужаса, вскинула вторую, но незваный гость спокойно перехватил и ее. Невероятно!

Милостивый боже, неужели ты лишил меня дара смерти? Какое счастье! Поймала злющий взгляд карих глаз напротив, мысленно застонала. И какой ужас! Ты сделал это не вовремя. В смятении смотрю на наши с многоликим руки, на испугавшихся за меня маму и отца, на изумленного наставника и снова на незваного гостя, который исступленно рычит:

— Т-т-твар-р-рь бездушная! Некромантка треклятая… Я жизнь потерял из-за тебя! И как ты рассчитаешься, мерзавка?

Это был хороший вопрос, риторический.

* * *

Через три дня, задавая приблизительно этот же вопрос в стенах загородного дома рода Дао-дво, советник великого полководца Нубуса улыбался. Эррас Тиши с усмешкой смотрел на притихшую меня и метаморфа, коего я по ошибке лишила одной из жизней. Рыжий злился и искренне не понимал, почему именно его хотят наградить фиктивной невестой в моем лице. О жене речи уже не шло, о браке, осуждаемом в Треде, — тоже, но многоликого это ничуть не радовало, в отличие от меня.

— За что? — спросил он глухо.

— За излишнее любопытство, склонность к авантюрам, ребяческую глупость и… — начал перечислять советник Тиши, но многоликий его оборвал.

— За это… — злой взгляд на меня, — я наказание уже понес.

— Не сомневаюсь, оно было болезненное, — с легкой иронией отозвался советник, — и весьма поучительное.

— Не сомневайтесь, — прошипел рыжий и кивнул в мою сторону, — из-за нее я дважды добирался до грани, пережил магически усиленный оборот и…

Вот тут его так же оборвали на полуслове.

— И получили иммунитет к ее прикосновеньям. Именно поэтому, Герберт, в невесты девушку берете вы, и в королевских играх Смерти также участвуете вы.

Я тихо вздохнула, а метаморф раздраженно что-то прорычал.

— Понимаю, — откликнулся Эррас Тиши, — это не входило в ваши планы, но родом было намечено давно. — И снисходительная улыбка искривила его губы. — Приблизительно семнадцать лет назад плюс минус пара месяцев. Так что примите, как данность.

Вот тут я встрепенулась.

— Это что, было спланировано… до моего рождения?! Но это невозможно. Дар Смерти карается законом! Вы не могли знать, что тот ведьмак спасет меня и… и… одарит.

А советник степенно прошелся по кабинету от окна к двери и обратно. Вскинув темную голову и расправив плечи, он резко наступал на пятку и медленно перекатывался с нее на носок, всем своим видом напоминая мне грача. Наглого грача, только что выигравшего еще один раунд любимой игры.

— Конечно, знали. Именно за это мы и заплатили старому Корвиусу, одарив тебя и еще троих дурех.

Так, значит… они заплатили, проклятьем наградили, а в конечном счете осталась только я? Внутренне похолодела и с дрожью в голове произнесла:

— Я единственная выжившая…

— Если бы! Ты — единственная незамужняя, — усмехнулся советник и тихо, едва слышно посетовал: — Ведьмак-предатель сбежал за грань и слова не сказав о том, что ваш дар Жизни перекрывает наш дар Смерти.

— Да?! — прошептала недоверчиво. — То есть беременность все решает?

— Да, — донеслось из противоположного угла комнаты.

— Неожиданное открытие!

И Тиши, только что мерно вышагивающий из угла в угол, резко обернулся ко мне:

— Я что, это вслух произнес?

— Нет! — заверила я и покосилась на многоликого, сидящего в соседнем кресле. Злой и напряженный рыжий Дао-дво, не красавец, как наш староста Тамиш, но и не страшный. Середнячок угрюмый. К тому же иммунитет на мои прикосновения он уже выработал и за грань не уйдет, если я решусь… потерять смертоносный дар. А что, если я предложу ему посодействовать в обоюдовыгодном деле? Он на игры не хочет так же, как я, и если согласится, тогда… прощай долг и мое личное проклятье!

— Даже думать не смей, — со смешком оборвал мои мысли советник. — Ты невеста.

— По вашей легенде — фиктивная, — напомнила я.

— И все же невеста… Герберт Дао-дво и пальцем тебя не тронет, — произнес Тиши, чеканя не только шаг, но и каждое слово.

Хорошая оговорка, ведь мне для спасения нужен совсем не палец метаморфа. Ехидно улыбнулась про себя и развила мысль далее. Фиктивная невеста это вам не законная жена. И если они с замужних долг не стребовали, то не возьмут и с меня. Рыжий не тронет? Ну и что, награжу иммунитетом другого и назову его — Герберт II. Вспомнила, как и за что меня ругал Октован Кворг, и просчитала последовательность действий «награждения». Первое — максимально ослабить многоликого, второе — попросить его обернуться лемуром, дабы ни на шаг не отклониться от предыдущего эксперимента, третье — закрыть его в обороте при помощи артефакта Хао, четвертое — подвергнуть трем проклятиям. И проклятия должны идти в следующей последовательности…

Словно бы услышав мои мысли, советник полководца Нубуса оказался рядом, выдернул меня из кресла и схватил за подбородок, зловеще вглядываясь в глаза.

— Ты что, девчонка, совсем страх потеряла?

— Не совсем, вот сейчас мне очень даже страшно, — не солгала я, взирая на преобразившиеся черты его лица. Ох, зря я Тиши мысленно грачом называла, он же самый настоящий грифон, представитель древней расы, хранитель знаний. Мыслей читать не умеет, но интуитивно их чувствует. Вот же зара…

— Не ругайся! — оборвал он меня, отпустил. Прищурился и произнес ни с того ни с сего: — А это идея!

И древний отошел от нас на несколько шагов к окну, чтобы уже оттуда в задумчивости перевести взгляд с застывшей меня на безмолвного Герберта Дао-дво. Сузил глаза еще сильнее, затем посмотрел на шкафы кабинета за своей спиной и, постучав по подбородку мизинцем, с лукавой улыбкой ринулся вон. Дверь за ним захлопнулась, а только я решила выдохнуть, она вновь отворилась.

— Дети, ждите меня здесь! — приказал Эррас Тиши и отчего-то очень пристально посмотрел на меня.

А что я? Я ни выдохнуть, ни с места сдвинуться не успела. Смотрю на представителя древних во все глаза и от удушья краснею.

— Я все вижу, — заявил он и наконец-то скрылся.

— Старый осел, — огрызнулся метаморф.

— Старый грифон, — поправила я, но рыжий меня не слышал. Он продолжил смотреть в пол, подпирая голову кулаками, и всем своим видом говорил — не тронь. Можно было бы его не тревожить, но мое любопытство взыграло.

— Слушай, а что у вас в услужении делает такая… птица? Он же древний, он хранитель и…

— А ты, малявка, как я погляжу, совсем отупела от экспериментов, да? — хмыкнул многоликий, тяжело перенесший три моих проклятия и, видимо, не простивший ни одного.

— А если и так, то мне хоть было куда тупеть, — и совсем тихо: — В отличие от тебя.

— Что ты сказала? Ты!.. — взревел Дао-дво, вскочив.

— Что сказала, то и повторю — не моя вина, что у тебя ума палата. Ты сам в мой дом явился, сам на подстилку лемура полез! А то, что под руку попал и получил ошейник с артефактом Хао — это вообще случайность!

— А три проклятия и потеря жизни в таком случае что?

Что ж он так болезненно реагирует, не пойму.

— Недоразумение, — по слогам ответила я в пылающие огнем карие глазищи. Поняла, что метаморф в бешенстве, и решила мягко его похвалить. А то вдруг опять озвереет и нападет. — Ты весьма талантливо изобразил Гирби, и я просто не смогла отличить…

— В отличие от твоего Гирби, — на прозвище лемура он зарычал, — я все прочувствовал на собственной шку-р-р-ре! И ты говор-р-ришь об отсутствии вины?!

— В том, что у тебя мозгов мало и ты резерв истощил — моей вины нет! А в остальном мог бы и простить. Все-таки эксперимент оборвала я, силами поделилась тоже я…

— А три болта в спину?! — прошипел озверевший многоликий у самого моего лица.

— А нечего было нападать, — парировала я, сжимая кулаки от страха. — К тому же пробой в шкуре каким-то там болтом прямо говорит о продолжительном истощении.

И скромно молчу о том, что у отца арбалет и заряды значительно усовершенствованы для боя с высшей нежитью.

— Так что винить нужно не меня, а… — «обстоятельства» прошептал кто-то, но я отмела подобный вариант и ответила, как хотела: — собственную самонадеянную глупость.

«Хорошо сказано, — согласился со мной чей-то шепот и усмехнулся, — но недальновидно».

И не успела я дослушать чужие слова, как оказалась за шею прижатой к стене. И кипящий негодованием Дао-дво изменил свое лицо в жутком оскале.

«Милостивый боже, спаси меня!» — прошептала я одними губами, зажмурилась и приготовилась к смерти.

Тут от двери раздалось насмешливо-ироничное:

— И ты предлагаешь заселить их в одну комнату?

— Да, в одну комнату рискованно, — согласился Эррас Тиши, — но в одну академию можно.

Пришла догадка — при свидетелях многоликий убивать не станет. И я, все еще испытывающая ужас от зубастой пасти у моего лица, вдруг вынырнула из омута бессилия и страха и залепила рыжему по… морде.

— А ну отпусти меня!

Морда медленно приняла выражение нормального чуть озверевшего лица, а в кабинете раздалось веселое:

— В академию можно, но в разные корпуса.

В тот же день меня фактически забрали у родителей, сказали, что с ними свяжется ведьмак, он же и разъяснит, до чего мы с советником «договорились». И на все мои просьбы отправить домой хоть на часок ответили категорическим: «Исключено». Видите ли, Герберт учится в военной академии, по правилам которой кадетам навещать родных можно лишь раз в полгода сроком на семь дней. И свои я еще не заслужила.

Ну, а если меня так неумолимо тянет в лес к родным просторам, то я могу эту жажду восполнить прогулкой в саду. И с этими словами выставили из кабинета.

Глава 3

Как только девчонка скрылась за кустами сирени, плотоядно скалящийся грифон оказался возле взъерошенного Дао-дво и моментально перешел на фамильярный стиль общения.

— Герберт, поздравляю! Еще ни одна выходка твоих кузенов не приносила такой удачи вашему роду, — произнес он с гордостью. — И пусть Даррей намеренно позволил тебе узнать о невесте, мы благодарим небеса за подобный поворот.

— Намеренно?.. — От нахлынувшего негодования и обиды многоликий обернулся к безмолвному дяде и не смог договорить.

Нубус был отчасти хмур, но, в общем-то, ситуацией доволен. Еще бы, его старший сын опять избежал опасности для жизни. Однако прожигаемый тяжелым взглядом племянника, один из лучших полководцев Треда поспешил вспомнить о делах и уйти.

— Не осуждай. — Эррас Тиши вновь привлек к себе внимание молодого многоликого. Он похлопал Гера по плечу и усмехнулся. — Твой кузен даже представить не может, какую возможность упустил, — и чтобы сомнений не возникло, доверительно поведал: — За победу в королевских играх Смерти ты получишь самый крупный из погостов Нубуса Дао-дво. Только представь, пять деревень на южной стороне долины Дельи в полном твоем распоряжении.

— Мне не нужна земля дяди, — с трудом отмахнулся метаморф, как отмахиваются от вожделенной мечты. — Я заработаю все сам.

— Несомненно, — быстро согласился грифон и добавил: — Выиграешь, и она полноправно станет твоей. Разве это не достойная награда для потомка из обедневшей ветви рода?

— Достойная, если я останусь живым.

— Останешься, если уедешь сейчас.

Многоликий резко обернулся.

— Но у меня еще три дня!

— На самом деле три минуты до того, как близнецы явятся сюда, — напомнил советник о старших кузенах первой ветви Дао-дво. — Уверен, ты не желаешь слушать досужие размышления о том, как Герберт на несколько часов стал Гирби.

— Они знают? — Недоверие сменилось раздражением.

— К сожалению, — подтвердил грифон. — Несомненно, в ближайшем будущем ты придумаешь достойное оправдание своему поступку, найдешь возможность его облагородить, но сейчас встреча с ними вряд ли обрадует тебя.

Неожиданно сзади меж шкафов образовался служебный проход в стене, и объявившийся в нем хмурый Тагаш Уо сообщил:

— Уже бегут.

Эррас Тиши поморщился и потянул метаморфа в тайную глубь дома. Едва они покинули кабинет, проход закрылся, но не обсуждаемый ими вопрос.

— Итак, — древний потер подбородок и прищурился, — ты возвращаешься в академию и забираешь Намину с собой. Твоя задача на ближайшие три года — удержать ее от… сговора, — нашел он приемлемое слово, — с другими… мужчинами и воздержаться самому.

— Удивили! Ей не сговор нужен, ей нужен полноценный контакт. Но я даже представить

не могу, какой идиот на это согласится. — Вскинулся Гер. — И поэтому снимите с меня необходимость блюсти ее треклятую честь! Достаточно того, что она едет со мной… и хотелось бы знать, в каком виде едет.

— Она твоя невеста, — словно не слыша, продолжил советник, — твоя и ничья больше. Не спускай с девчонки глаз.

— У меня уже есть де… — Дао-дво прищурился и достоверно солгал: — Невеста, мне чужие ни к чему.

— Значит, девушка все-таки есть… — Грифон обернулся к седовласому воину и выжидательно на него посмотрел. Тот смущения не выказал, продолжил стоять безмолвным столбом. Древний недовольно поджал губы, а затем улыбнулся: — Что ж, пусть она остается…

— Она в любом случае останется, — отрезал Гер, но вновь не был услышан и получил наставление.

— …но от Намины всех отваживай.

На несколько мгновений в тайном коридоре воцарилось тяжелое молчание. Эррас Тиши сверлил взглядом Уо, тот делал вид, что не замечает ничего, а едва сдерживающий рык метаморф младшей ветви рода Дао-дво глухо поинтересовался:

— Тиши, вы должны понимать, что все, кто к ней привяжется, от нее же трупом и отвяжется.

— Возможно, — не стал отрицать советник, позволяя продолжить рассуждения вслух.

— Так почему я должен тратить время на так называемый… догляд?

«Догляд… гляд… гляд…гляд…гляд…» — ответило затихающее эхо на громогласный вопрос, а первый кукловод рода Дао-дво вдруг несказанно удивился:

— А ты еще не понял, что формулу иммунитета к собственным прикосновениям она уже изобрела? — Подождал, пока Герберт осознает сказанное, и тихо произнес: — И поверь, она найдет многоликого, что поможет ей с освобождением от дара. — Рукой в воздухе он изобразил на себе живот.

— Но это же больно! — Метаморф вздрогнул и поежился: — Словно проходишь через ад! Через три круга ада.

Древний хохотнул:

— Кому как, остальным вроде нравится!

— Не смейтесь. Я имел в виду, что на получение иммунитета мало кто согласится. Добровольно перенести три смертельных проклятия не захочет никто.

— Ты заблуждаешься. Намина всего за два года почти открыла ту схему, на чей антипод я в свое время потратил пять лет. — Свое «я» он интонационно выделил, подтверждая сложность изысканий и факт своего причастия к разработке дара Смерти. Гер нахмурился таким откровениям, а Тиши доверительно продолжил: — В ее случае мне сложно предвидеть, когда девчонка удалит из схемы боль.

— Вам? Сложно? — с недоумением повторил Дао-дво. — Вам?

— Мне, — подтвердил советник со вздохом и скосил глаза на безмолвного Уо.

— Вы держите меня за дурака?

— Когда-то пытался, но не сейчас, — отмахнулся грифон и вновь напомнил: — Вам пора.

— Нет, — отрезал метаморф. — Пока не объясните, отчего прорицатель из древних не видит будущего девчонки, я с места не сдвинусь.

— Таррах, что за дети пошли!

— В меру любознательные, — подал голос наставник многоликого, напомнив о себе, и тут же словно бы опять оглох и онемел.

— Наоборот, не в меру. — И, схватив Гера за локоть, советник увел его за собой. В левый проход, вниз по пологой лестнице к лазу в кухонный дымоход и по нему вверх на крышу. И лишь оказавшись снаружи, на ветру, произнес сердито: — Она меняет варианты развития событий. Я ее проследить не могу… с самого рождения, — покосился на все еще хмурого метаморфа, дернул уголком губ: — И на твой незаданный вопрос: «Как так?» отвечу, мы перестали следить за ней, потому что дар за ребенком не закрепился, и Корвиус о ней забыл.

— А затем скончался, — поддакнул пришедший вслед за ними седовласый воин Уо.

— Сам? — спросил Герберт.

— Что? — Грифон обернулся и по взгляду многоликого понял вопрос. Укоризненно покачал головой. — Конечно, сам… Иначе бы подробно рассказал о дефекте моих плетений. Так вот… через девять лет я увидел первую крохотную вспышку ее дара, еще через шесть — вторую, совсем неясную, но нашли мы ее только сейчас.

— Потому что она с упоением убивала зверька?

— Нет, старосту из своего класса, — хмыкнул древний. — Отомстила она знатно. Вспышка была столь яркой, что я временно ослеп, но осознал — дар в девчонке не просто жив, он развит.

— И только через месяц ее нашел, — добавил с ехидцей воин.

Тиши на подколку не ответил. В эти мгновения его чуть светящийся взгляд явно блуждал по саду, выискивая человечку. И что следовало отметить, проделывал он это весьма усердно, хмурясь и потирая подбородок так, словно бы она была бесценна для его многолетних планов.

И подумав об этом, Гер вспомнил, как кузен хвастал невестой, словно больше жить без нее не сможет. А ведь его не могла напугать перспектива королевских игр, он достаточно сильный, к тому же и еще ни одной сотни своих лет не потерял благодаря ему, Герберту. Так что же напугало братца? Неужели имперские игры…

— Как я понимаю, игры Смерти в Треде — это не конечная цель для нее, — произнес Дао-дво. Задумавшийся грифон неопределенно кивнул, и многоликий сделал еще одно небезосновательное предположение: — Хотите показать девушку императору?

— Да, — последовало уверенное, прежде чем советник полководца Нубуса понял, на какой вопрос ответил. В следующий миг он обернулся, перевел злой взгляд с седовласого наставника Уо на его рыжего подопечного, недоуменно поднял брови и неожиданно сказал: — А ты умнее, чем я думал.

— Могу признаться в том же. — Герберт со вздохом опустился на крышу и обнял колени.

Этот день не задался, и с него возьмут пример три последующих года. Таррах!

* * *

Неизвестно почему, но стоило отойти от дома, как меня потянуло к кустам шиповника близ ограды. И подойдя к нежным ароматным цветам, источающим запах меда, я несказанно удивилась, встретив там Кворга.

— Октован?! Что вы здесь делаете?

— Тихо! — пришикнул ведьмак, стремительно поднимаясь с четверенек. — Я ждал тебя.

— На земле?

— Нет, вначале в норе прятался, потом… — но заинтриговав меня, он тут же оборвал свои объяснения и сухо сказал: — На разговоры времени нет. Держи.

В мою руку перекочевала маленькая дамская сумочка, весом превосходящая пудовый бочонок соли.

— Что это? — удивленно вопросила, чуть не уронив тяжелый подарок.

— Твои вещи, в том числе и колбы. Не разбей.

— То есть здесь все-все-все и даже книги? — Я посмотрела на него вопросительно.

— И даже Гирби, — заверил Кворг и потер висок, бросив взгляд в глубь сада. — Опять сканирует, мерзавец. Вот старый… — Он явно хотел сказать другое слово, но выбрал, — пенек! — И в его шевелюре появилась еще пара белых прядей.

— Вы это о чем?

— Не важно. — Ведьмак, теперь уже седеющий окончательно, отмахнулся и зашептал: — К родителям они тебя просто так не отпустят, со мной повидаться — тем более, а значит, опять будешь на удаленке практиковать.

— А я буду? — спросила недоверчиво. Уж после всего произошедшего вновь приниматься за эксперименты мне боязно, а еще противно. Я нанесла значительный урон рыжему Дао-дво, пусть и неосознанно, но все же нанесла.

— Конечно да! Кто останавливается на полпути? — возмутился мой наставник и, взяв под локоток, отвел в сторону от кустов, заверил: — Только не ты, и не тогда, когда в твое распоряжение попадет целая библиотека по некромантии. — И чтобы окончательно меня вдохновить, порадовал: — А еще там проводят военный спецкурс для черных магов и смертников имперских игр.

Сказал и, сдавленно охнув, потер уши. Затем согнулся, притопнул ногой, и вслед за волосами стали белеть его брови.

— Старый ко… — Взгляд на меня и тихое: «хм» завершило ругательство. Многоликий медленно разогнулся и, гневно глядя куда-то в сторону богатого дома, прохрипел: — Слушай, Намина, и запоминай. Эксперименты ты не бросаешь, поиски не оставляешь, а главное, изучаешь все, что возможно. Тебе от дара нужно либо избавиться, либо закупорить до тех пор, пока не пожелаешь от него избавиться. Дар пусть и смертельный, но является неплохой защитой. Поэтому второе предпочтительнее.

— Но почему? Вы же сами неоднократно говорили, что игры Смерти не для меня.

— Так и есть, но я не хочу, чтобы кто-то из кадетов обидел тебя в следующие три года.

— Погодите. — Я нахмурилась, чувствуя подвох. — То есть вы не будете против, если я найду, как усмирить свой дар, и продолжу образование?

— Конечно! — воскликнул метаморф, чьи ресницы также побелели. — Военная академия столицы Треда славится своим образованием и его заоблачной ценой. Так почему бы за чужой счет не получить лучшее из возможного? Я уверен, ты успеешь до завершения срока, а потом просто утрешь кое-кому наглый крючковатый нос.

Несомненно, имелся в виду Тиши. И глядя на новоявленного альбиноса, усмехнулась.

— Хотите, чтобы род Дао-дво разорился, а грифон просчитался на мой счет?

— Очень хочу. Разорить не разорю, но хотя бы получу моральную компенсацию. — Он указал на свои абсолютно белые локоны, брови, ресницы и пробивающуюся белоснежную

щетину. Подмигнул. — Имею право.

— Имеете, — согласилась с улыбкой и, сняв перчатку с руки, прикоснулась к локонам ощутимо вздрогнувшего Кворга. — Тамани Анти а-то Теи, — произнесла я. — И простая формула восстановления вернула моему наставнику прежнюю черноту, закрасив даже те три седые пряди, что были у него с самого нашего знакомства.

— Вот так лучше!

— Лучше? — Он схватился за сердце и покачнулся. — Я думал, что хуже седины быть ничего не может. А тут ты чуть не познакомила меня со смертью!

— Но не познакомила же. — Возмущенная, я так и застыла, держа в руках перчатку.

— Но и не предупредила! — парировал он и исчез. Без предупреждения, совершенно неожиданно, ведь ранее он так от меня не уходил.

— Наставник? — тихо позвала я. — Октован?

— Да, ждежь я, — прожужжал подлетевший ко мне шмель. Маленький, полосатый, хорошенький, а голос деловой.

— Жнажит так, для опытов тебе нужжен метаморж, в крайнем жлужае жжж оборожень. В жамом крайнем! — повторил он, акцентируя мое внимание. — На Гера не ражжитывай, пожле вжего перенеженного он не жоглажижя ни на жто.

— А кто согласится, будучи в светлой памяти и крепком здравии? — тихо вздохнула я. — Многоликий сказал, что он все-все на собственной шкуре прочувствовал…

— Вот! — протянул довольный шмель. — Вот ж этого и нажни.

— В смысле с Герберта Дао-дво?

— В жмыжле ж боли! Вже, я полетел. Береги жебя… — прожужжал он и исчез в кроне высоких деревьев.

И я осталась в одиночестве посреди незнакомого сада, правда, в тишине и покое пробыла совсем недолго. На полянку перед кустами цветущего шиповника неожиданно выскочили две здоровые рыси, мощные, хищные, с бронзовым отливом шкур. Принюхиваясь, они обошли по кругу место, где только что стоял ведьмак, и, не найдя никаких его следов, раздраженно обернулись друг к другу.

— Упустили!

Метаморфы! И непонятно, это охрана или жильцы? В любом случае я не горела желанием попадаться им на глаза, мне хватило агрессивного рыжего. Предусмотрительно отступила за дерево и, опустив тяжелую сумочку на траву, затаилась. А действо на фоне колючих кустов набирало обороты.

— Как не упустить, ты же полчаса перевоплощался, — ехидно бросила ему вторая, вернее второй, голос крупного представителя кошачьих также был мужским и не менее сердитым.

— Зато я в силах отличить запах ведьмака от мышки-полевки! — ответил первый.

— Но это не помешало тебе блуждать по саду вместе со мной, — парировал второй.

— Конечно. Я присматривал за тобой. У тебя же страдает не только нюх, но и слух… Вдруг кто подкрадется, зашибет.

— Так ты и зашибал!

— В целях профилактики…

— Даррей, ты забываешься! — вспылил рысь.

Даррей… тот самый Дао-дво?

— Всего лишь забавляюсь, мой слепо-глухо-тупой брат, — произнес первый

скороговоркой.

— Чего?

— Вот, что и требовалось доказать, ты непроходимо глуп! — фыркнул остряк, довольный своим экспромтом издевок.

— Что?

— То есть глух… — исправился так называемый Даррей, скрывая за рыком очередной издевательский смешок.

Присмотревшись к окрасу рысей, я поняла, что столкнулась отнюдь не с охранниками дома, а с самими кузенами рыжего, близнецами. Узнать их в ипостасях было не сложно. В то время, пока Эррас Тиши готовил обвинительную речь для меня, я успела рассмотреть не только стены холла и парадной лестницы, но и коридор с портретами древа рода. В основном картины отображали метаморфов в обороте с удивительным бронзовым отливом шкур, чешуй, перьев, а также кожи, жуткое зрелище — лысый кот, но и такой там был. Правда, больше всего мне понравился ягненок, выбивающийся из зеленовато-желтой гаммы своей блестящей серостью. Доверчивый карий взгляд, стальное кружево рун и крохотные, едва наметившиеся рожки. Портрет первой ипостаси, или, как ее еще называют, истинной, у этого сына рода был меньше остальных, но такой милый, что я простояла возле него целых пять минут. И всего на секунду задержалась близ изображения двух ехидных камышовых котов с бронзовым отливом, которые когтями портили обивку приютившего их дивана.

Но, видимо, мое непочтение к кошакам судьба посчитала недостойным, предоставив возможность вторично лицезреть метаморфов знатного рода, и на этот раз вживую. Встрече я была не рада, вот-вот могла состояться нередкая между близнецами драка, и я поспешила скрыться от них еще и за стеной ближайших кустов. К несчастью, ступив в сторону, задела сумку с собственным «скарбом», и она отозвалась жалобным звоном — звуком разбитых надежд на побег.

Рыси синхронно обернулись и напрочь позабыли о важном споре, кто из них помойный кот и слепой доходяга.

— Макфарр, ты посмотри, какая пташка заблудилась в нашем саду, — произнес первый и самый ехидный из братьев, коему меня прочили в фиктивные жены. Он оценивающе прошелся взглядом по моей фигуре и прищелкнул языком. — И в каком платье…

Я удивленно вскинула брови. Платье мое было самым простым — красное в белый горох, перчатки, как без них, белые чулочки и темно-коричневые туфельки на низком каблучке. Ничего примечательного, но он почему-то задержался взглядом на моей груди, плоской — надо заметить.

— Даррей, — хмыкнул второй и сделал шаг ко мне, — ты, прежде чем глазеть на ее ребра, лучше на личико погляди. Узнаешь?

— А как же, — осклабился многоликий, — это же смертоносная девица из Сумеречных по имени…

— Намина! — громкий окрик заставил меня вздрогнуть, а рысей синхронно повернуть голову на приближающийся звук. — Вот ты где! — воодушевленно произнес оказавшийся возле меня рыжий Дао-дво. — А я уже обыскался.

Его рука по-хозяйски огладила мое бедро и собственническим жестом схватила за талию, напугав и без того встревоженную меня.

— Заставила беспокоиться. — Теплые губы коснулись щеки, а затем наглый нос уткнулся в волосы: — Скучала?

А я смотрю на вытянувшиеся лица его кузенов и понимаю, что мое выглядит сейчас точь-в-точь таким же, и я выбиваюсь из навязанной мне роли. И в то же время понимаю, что если хочу от близнецов сбежать, то мне стоит метаморфу подыграть. Сглотнув, накрыла его пальцы своей рукой, прошептала:

— Чуть-чуть.

— А я очень, — выдохнул он в мою макушку. — Пойдем. Нам пора.

И его тон так отличался от жесткого захвата, способного меня не только сдвинуть с места, но и оторвать от земли, что я мстительно вспомнила о своем скарбе и произнесла тонким голоском:

— В таком случае тебе стоит взять мои вещи.

И пока многоликие с недоумением смотрели на рыжего, он взирал на предмет, коего у меня быть в принципе не должно. Раз домой не пустили, то откуда взялась сумочка? А я стремительно вывернулась из объятий Дао-дво и поспешила уйти, вернее — сбежать. Но ни того, ни другого мне не позволили.

— Куда? — Крепкие руки обвили стан.

— К дому, — прошептала чуть слышно.

— Туда не нужно. Нас карета ждет.

К транспорту с четверкой красных птицеподобных коней он доставил меня как нашкодившего ребенка и не дал рассмотреть редчайших крылатых скакунов. Со спины схватил под грудью, к себе прижал и понес, стремительно перемещаясь между кустами. Создалось ощущение, будто бы не я одна хотела скрыться с той поляны и не одной мне неприятна встреча с близнецами старшей ветви рода Дао-дво.

Сзади послышался шорох и недовольный рык, а меня уже затолкнули внутрь кареты и приказали: «Пристегнись». Села, пристегнулась, молча взираю на то, как мой новоявленный жених, захлопнув дверь и задвинув мою сумку на полку, начинает переодеваться. И не стесняется он ни меня, ни хмурого мужчины с явным военным прошлым за спиной, который сидит здесь же и смотрит осуждающе. Седовласый воин в строгом черном костюме был крупным для человека и в то же время теплым. Люди с подобным открытым взглядом куда больше располагают к себе, чем метаморфы с горячечным румянцем на щеках, горящими глазами и десятком быстро зарастающих шрамов на груди и животе.

Вот, сразу видно — жизнью своей не дорожит и ранее вряд ли дорожил, но это ему совсем не мешает орать на меня из-за пары-тройки проклятий.

Перехватив мой недовольный взгляд, третий пассажир хотел отвлечь меня от метаморфа, но добился лишь того, что привлек внимание Дао-дво к себе.

— Леди, не хотите ли вы…?

— Тагаш, ей до леди далеко! — отозвался рыжий бесстыдник, продолжая раздеваться.

— Так же, как и тебе до лорда, — ответила я наглой морде и, встретив гневный карий взгляд, развела руками. — Так уж повелось, что в одних портках лорды на людях не появляются.

— Я знатного рода, — прорычал он сквозь зубы, хотел сказать что-то еще, но промолчал.

— Ты из такой же бедной семьи, — парировала я. На что он ехидно ухмыльнулся и стянул с себя штаны — спасибо, что не с труселями.

— Вряд ли из такой же… Моя сестренка в качестве приданого получит не только барана.

Обидно так стало! А всему виной то, что, обсуждая с мамой возможное замужество, я в

шутку упомянула видение из сна, а они всерьез записали в договор нашего серого Гошку с кручеными рогами и отвратительным характером…

— Уж лучше баран в приданом, чем в женихах, — ответила и отвернулась, стараясь сосредоточиться на виде сада и двух рысей, что остались в нем, а не на отражении рыжего в стекле.

— Что ты сказала?

— Ничего нового.

Метаморф, судя по звукам, застегнул черную рубашку и завернул манжеты, чтобы скрепить их запонками. Наверняка, с эмблемой военной академии — самого дорогого заведения в Треде, в котором учиться могут лишь знатные господа… и этот. Карета резко тронулась с места и воспарила над землей, многоликий наконец-то сел, чтобы натянуть брюки, носки, туфли — спрятать, наконец, крайне волосатые ноги.

И мои грустные размышления о том, что я слишком поспешно наградила Дао-дво иммунитетом, развеял голос сидящего напротив мужчины.

— Забыл представиться, я Тагаш Уо… — произнес он, снимая всю ответственность с рыжего.

Хотел еще что-то добавить, но был остановлен решительным:

— Уважаемый человек и мой наставник.

— Не совсем. — На это метаморф фыркнул раздраженно, Уо же тему развивать не стал, учтиво спросил: — Простите, так как мне обращаться к вам?

— Зовите Наминой.

— Очень красивое имя, — улыбнулся воин, — а фамилия?

— Сумеречная. — Будь возможность, я бы, как и положено, протянула ему для пожатия руку, но, будучи крепко пристегнутой к креслу, смогла лишь приветливо улыбнуться.

— Прекрасно. — Свое замечание он сопроводил медленным кивком головы и задал неожиданный вопрос: — А на какой факультет вы хотите пойти и какую выберете специализацию?

С немым изумлением я подалась вперед, полностью проигнорировав рык метаморфа: «Она учиться не будет!» И подумав несколько мгновений, спросила:

— А что там есть?

Мне молча вручили три брошюры для абитуриентов академии.

— Тагаш! — воскликнул Дао-дво.

— После поговорим, — хладнокровно ответил ему Уо, даже не дрогнув от громогласного окрика.

— Ты не понимаешь!

— Понимаю. И вот что скажу, в прошлый раз не послушались вы, теперь не послушаюсь я.

И произнесено это было таким непреклонным голосом, что раздраженный рыжий не сразу нашел слова. Медленно выдохнул, вдохнул и заговорил отстраненным сдержанным тоном:

— Тагаш, ты, может, забыл, но за свой проступок я уже заплатил сполна. И не намерен расплачиваться еще и на играх. — И с тоской перечислил: — Академических, королевских и треклятых имперских.

Треснул кулаком по деревянной обшивке дверцы, прорычал:

— Зная дядю Нубуса и его грифона, я более чем уверен, что девчонку за мной закрепили

не просто так. Смертьнесущую в академии заметят быстро, ее обязательно к соревнованиям привлекут, а вместе с ней и меня.

— И что вы предлагаете? — спросил наставник.

— Единственно верный вариант: продержать ее все три года взаперти.

— Эй, я не пленница чтобы меня запирать! — возмутилась я громко, но услышана не была.

Дао-дво со взглядом, полным тяжких дум, продолжил:

— Проклятье! Дядя… — От его повторного удара деревянная панель треснула и заскрипела, а многоликий и не заметил, продолжая сдавленно рычать. — Сдается мне, Даррею заблаговременно подсказали, как сбагрить смертоносную невесту и возложить все заботы о ней на меня. Справлюсь — хорошо, а если пропаду — не жаль.

И столько муки было в голосе, что я не удержалась от сарказма.

— Ой, прямо-таки паршивая овца, что все стадо портит! — В карете наступило напряженное предгрозовое молчание, но я продолжила: — Собственными руками не убить нечестивца, приходится искать чужие. Невесту там… игры… заговоры всякие. — Я повернулась к шумно выдохнувшему рыжему и, оставив без внимания попытку Уо меня остановить, заявила: — Да тебя, сумасброда, просчитать невозможно.

— Что?

— То! Ты ж искатель приключений на место, где хвост!

Седовласый воин криво улыбнулся, подтверждая мое мнение, а медленно звереющий многоликий сквозь сжатые зубы опять протяжно вдохнул. Разозлился.

— И чтоб ты знал, получив от меня отказ, Эррас Тиши не ведал, что наверху приходит в себя «веский довод» в пользу моего согласия. — Укоризненно покачав головой, ухмыльнулась злобно сопящему Дао-дво: — Так что, продолжай надеяться, что ты — фигура вся из себя видная, и дай остальным нормально жить.

Перевела взгляд на его наставника и с почтением обратилась:

— Запишите меня на факультет Темных сил, кафедра Некромантии.

— А спецкурс какой?

— Для имперских смертников… — Окончание я не договорила, а дохрипела, оказавшись в лапах многоликого. Озверевший, он был на грани жизни и смерти, причем моей. Не остановись карета, не постучи в дверцу служитель академии, вполне возможно я бы распрощалась с жизнью по собственной глупости. Но он явился вовремя, и меня брезгливо отбросили на кресло, а после, скривившись, отвернулись к окну.

— Какое счастье, что вы не будете жить вместе, — заметил Уо, который, в попытке отодрать метаморфа от меня, в кровь разбил кулаки о каменную спину подопечного.

Я лишь моргнула и, потирая шею, покосилась в окно, нет, говорить при этом буйном я более не буду. А формулу восстановления для Тагаша чуть позже произнесу.

Глава 4

То бараном назвала, то паршивой овцой! Гадкая малявка!

Герберт не метался по комнате, а просто раскладывал книги по местам, а затем перекладывал из сумок вещи в шкаф, но делал это рвано и резко. Временами весьма резко. Особенно когда вспоминалось, как девчонка фактически нарекла его самодовольным тюфяком и тут же напросилась на курсы смертников. В это мгновение свитер с эмблемой кадета затрещал в сжатых кулаках метаморфа, приобретая восемь дырок под пальцы.

«Порча личного имущества! — ворчливо раздалось над головой по внутрикомнатному эхо-порту. — Кадет Герберт Дао-дво, уплатите владельцу два медяка».

— Сам себе платить не буду, — хмыкнул многоликий и вспомнил, как мелкая деревенщина с задатками некроманта при встретившем их ректоре назвала себя новым кадетом.

Проклятье! Видите ли, ей учиться не воспрещено, а даже наоборот, обязательно. Ведь Эррас Тиши настаивал, чтоб его!

Метаморф двинул ногой стул, тот задел стол, и одна из колб, печально звякнув, почила смертью храбрых, распространяя резкий запах аммиака. Комната быстро наполнилась удушливыми парами.

«Химическая порча воздуха в общежитии, комната 13–23! — фыркнул эхо-порт ехидно: — Кадет Герберт Дао-дво, уплатите хозяину комнаты два медяка».

Гер опять хотел отметить бессмысленность расчетов с самим собой, но вовремя вспомнил, что именно разбил.

— Таррах! — сбросив с пальцев порванный свитер, стремительно распахнул окно. Опять-таки, приложив слишком много силы, а потому стекла створок треснули и со звоном осыпались вниз.

В этот раз окрик ворчливого духа раздался над всей академией:

«Порча имущества академии! Кадет Герберт Дао-дво, уплатите в бухгалтерии тридцать медяков».

— И почему так дорого? — возмутился многоликий.

«Потому что столица! — Глас хранителя академии оборвался тихим звоном, и уже через внутрикомнатный эхо-порт прозвучал приказ декана факультета Темных сил: — Герберт Дао-дво, зайдите ко мне».

Еще не хватало разборок с будущим родственником… И сжимая зубы, метаморф отправился на встречу.

Родная академия, вот уже второй год оберегающая молодого многоликого от планов дяди и грифона, встретила его пустыми коридорами, свистом сквозняков и хлопаньем створок открытых окон. Дух-хранитель сего учебного заведения забавлялся уборкой, и время от времени сверху или сбоку сыпалась пыль, паутина и даже пауки, мелкие и крупные. Стряхнув одного такого с головы, Гер с уважением произнес:

— Почтенный, Нваг-нваг Севой, я так же рад вас видеть, — слукавил без улыбки, узреть хранителя ни один кадет не в силах. — Но позвольте мне пройти в деканат, оставшись чистым.

— Пройти не позволю, — ответили ему, — а пробежать вполне.

— Хотите сказать, что полы сухие и шею я на них не сверну? — хмыкнул многоликий,

припоминая прошлые проделки ворчливого духа.

— Нет, разве ты на каникулах не освоил новый оборот? — в тон ему ответил Севой и дунул на представителя младшей ветви рода Дао-дво. — Лети, не отвлекай.

— Уже-уже, простите, что оторвал вас от столь важного дела, — церемониальный поклон и ехидное: — Но хочу заметить, что в третьей галерее, над девятым окном вы оставили пыль.

— А ну кыш отсюда! — хлопнули окна, вздрогнул каменный пол, а метаморфа уж и след простыл.

Приведя себя в порядок в пустой приемной перед дверью, Герберт выдохнул и, постучав три раза, получил позволение и вошел. Серый кабинет с тремя окнами вдоль стены и неизменно загораживающей одно из них темной фигурой и ранее наводил страх на будущих военных королевства, ну а на самого Дао-дво еще и дрожь. С отцом Амиддарии, своей девушки, он лицом к лицу встречался редко, но был бы рад лишиться и этой возможности.

— Вызывали? — Голос не сдержал дрожи, когда при первых его звуках массивная фигура у окна вдруг резко обернулась.

Довар Горран был не в духе. На хищном лице горца-змееволоса сверкнули черные глаза, волосы, обычно заплетенные в тугую косу, змеями обвили мощную шею, плечи под черным мундиром напряглись. Готовый к сражению, он неожиданно мягко спросил:

— Что за чудо ходит по нашим аллеям?

— Какое?

Магистр Горран жестом поманил Дао-дво к окну и указал на парковую дорожку, близ которой треклятая некромантка, скалясь как умалишенная, пыталась сделать колесо. Получалось паршиво. Красное платье со всем его горохом стремилось в перевороте закрыть довольную улыбку, нижние юбки — задраться до пупа, туфельки — остаться среди коряг старого парка, а чулки слететь с худых конечностей. Однако это нисколько ее не заботило, в очередной раз упав на траву из-за задравшейся верхней юбки, она вскакивала, снимала мешающий предмет: обувь, чулки, пояс и пыталась снова.

— Надеюсь, хоть платье она на себе оставит, — улыбнулся горец.

На что Гер с издевкой хмыкнул и ответил на ранее поставленный вопрос:

— А это безобразие… Это новый кадет академии, Намина Сумеречная к вашим услугам. Семнадцать лет, чистокровный человек, простолюдинка, не окончившая ведической школы.

— Имя известно и все прочее также. — Декан факультета Темных сил указал на бумаги о поступлении, что лежали на подоконнике. — Я хотел бы знать статус этого создания.

— Невеста.

— Чья? — Вопрос был закономерен, но задан столь жестко, что многоликий не сразу нашел что ответить.

Магистр, которого Герберт уже не первый месяц считал будущим тестем, удивленно вскинул смоляную бровь и сложил руки на груди. Нахмурился, не услышав должного: «Конечно не моя!», и сухо заметил:

— Приехала она с вами и раньше срока. Значит ли это?..

— Еще не решили! — Уклончивый ответ вряд ли устроил декана, но лучше так, чем лгать. Довар Горран не терпел лжецов и чувствовал их на расстоянии. Кашлянув, метаморф продолжил: — Видите ли, советник моего дяди возлагает на нее большие надежды, но в силу юного возраста не смеет использовать в своих целях.

— Занятно…

— Трагично, — вздохнул метаморф младшей ветви рода Дао-дво и осекся, высказывать свое мнение он был не должен. И желание не дать развития новому витку допроса неожиданно явило выход из двух сложных ситуаций одновременно. — Как вы понимаете, Сумеречная уже мечтает о смерти. Потому и выбрала самый опасный спецкурс.

— Некромант-самоучка хочет уйти за грань? — не поверил магистр. — Вы явно шутите.

— Никак нет. После разговора с Эррасом Тиши смерть стала ее идеей фикс.

Ирония сквозила в каждом слове вновь разозлившегося многоликого, а в голове забилась мысль: «Уж если она лишила его одной из трех жизней, то он, Герберт Дао-дво, вправе в отместку испортить ей хотя бы тридцать третью часть утерянного».

— Интригующе… — молвил горец и улыбнулся, глядя вниз.

— О, да, очень. — Метаморф отвернулся от вида солнечного осеннего дня и резвящейся в нем девчонки.

— Вы не согласны?

— С радостью согласился бы, но не в силах. Видите ли, необходимость оберегать это безобразие от необдуманных поступков род возложил на меня. А потому…

* * *

За три дня обойдя академию вдоль и поперек, поднявшись на ее чердаки и спустившись в подвалы, я поняла, что зря Октован расхваливал сие учебное заведение. Ничем оно от простой ведической школы не отличалось, разве что напыщенной суровостью, которая исходила даже от холодных каменных стен. А так…

Из кухни тут тоже воровали, и привидения средь ночи спать так же не давали, и ремонтники здесь такие же были, прибегали с руганью на вызов, но лишь вредили. И это не голословное заявление: в моей общежитской комнате краны после прихода мастера потекли с удвоенной силой, а по стенам трещины пошли. В общем, бедлам такой, что я во избежание порчи личное имущество не распаковала и Гирби не освободила. Кто знает, вдруг местные каменные горгульи, как и в школе, не брезгуют чужим зверьем.

В общем, забраковав академию, невыспавшаяся и неумытая, я сидела в пустой столовой для кадетов и пыталась позавтракать под пристальным взглядом какого-то мужика с сумрачным видом и волосами, заплетенными в сложную тугую косу. Магистр, судя по нашивке на темном свитере, предпочитал своему завтраку меня и ел поедом. Не первый день, кстати, ел. Его темную фигуру я часто наблюдала в окнах деканата, в коридорах, где я плутала, и даже в парке, куда меня нередко заносило погулять. Собственно, про себя я называла мужика тихо помешанным психом, пока он не проявил решительность и не сел с подносом напротив меня.

— Доброе утро, — поздоровалась я, а он молчит. — Будем знакомы, — зашла с другой стороны: — Я Намина Сумеречная.

И как положено в моей деревне, пальчики в перчатках вытерла и, поднявшись со стула, протянула ему для пожатия руку. А он не двигается, улыбается и молчит. Точнее как сказать, молчит — произнес сам себе: «Интересно…» и продолжает с весельем взирать на меня.

Тридцать секунд я стояла с протянутой рукой и думала, когда же он очнется. Не очнулся, но интерес во взгляде стал еще более выразительным. Сердито плюхнулась на стул, попыталась продолжить завтрак, но очень скоро отказалась от этой идеи и взбунтовалась:

— И чего сидим, чего молчим? Вам что, делать больше нечего? — Возмущение мое было оправдано, от черного немигающего взгляда магистра ни ложка салата не лезла в рот, ни кусок яичницы, ни даже компот с пирогом. У незваного соседа дрогнули уголки губ, но он упрямо продолжал безмолвствовать и смотреть. — Магистр, как вас там… — не ответил, — …вы есть собираетесь? Или намерены просто глазеть и портить мне настроение?

Вот тут произошло чудо, он встрепенулся, выходя из созерцательного забытья, изрек шутливо:

— И никакого почтения: ни к старшим, ни к преподавателям.

— Годы, прожитые впустую, уважения вызывать не должны, — повела я плечом и потянулась к компоту.

— А если не впустую? — заломил неизвестный бровь.

— Ну, сами посудите, у людей, всю жизнь занятых, смотреть без причины привычки нет. А вы смотрите, и не первый раз, и… — хотела сказать еще кое-что, но он меня перебил.

— Вы очень похожи на мою жену.

Стакан выпал из моих рук, звонко соприкоснулся со столом, затем с полом и разбился. Из эхо-порта тут же раздалось: «Порча имущества академии! Кадет… кадет… — Ворчун не знал, как обратиться, в конечном счете заявил: — Девушка, с вас штраф, уплатите в бухгалтерии пять медяков».

— С собой денег нет, запишите на мое имя.

«Но вы не зарегистрированы в базе!» — ответили мне.

— Откройте гостевой счет, — ответила я неизвестному и в волнении спросила у магистра: — На какую жену?

— Бывшую.

Ох, и сразу в столовой посветлело, потеплело, дышать стало легче.

— Хорошо, что на бывшую, а не на будущую, — вздохнула свободнее, за пирог взялась, и уже совсем тихо: — Я бы такого счастья не перенесла.

— Это еще почему?

— Потому что вы хмурый, здоровый, глазеете, — ответила я как на духу и попросила: — Ешьте уже и не перебивайте мне аппетита.

— Вот это молодежь, — раздалось рядом ворчливое, — вот это замашки.

— Под стать академии. — Я откусила лакомство и зажмурилась, смакуя.

— Вы слышите возрожденного духа? — насторожился магистр.

— Конечно, — с трудом прожевала кусок, усмехнулась: — Он постоянно летает тут, ворчит, скабрезничает, иронизирует на пустом месте.

— Но я в списки кадетов вас еще не внес…

— Думаете, это его заткнет? — оживилась я. — Если да, то внесите меня поскорее. А то я за трое суток умаялась его слушать. Весь день ворчит, не замолкая, а когда его друг заявляется ночью, до утра хохочут.

В почти пустой столовой неожиданно наступила гнетущая тишина. Длилась она недолго, но была впечатляющей.

— Нарушаем комендантский час, пускаем посторонних?..

Магистр зловеще прищурился, глядя куда-то в сторону. И под его черным взором в воздухе появился вначале туман, а затем и бестелесный призрак сухонького щуплого старичка с хиленькой бороденкой. Таких в нашем Приграничье почитают, а не подставляют. И я бы слова не сказала, если бы на вопрос: «Нваг-нваг Севой, что скажете в свое

оправдание?» — он не заявил:

— Не было такого! Привиделось ей.

— Не привиделось, а послышалось, — поправила я неточную формулировку. — И чтоб не быть голословной, скажу, в прошлую ночь вы упомянули некую Нигбетту.

Призрак зашипел, а мой сосед весьма удивился:

— Правда? И что о ней говорили?

— О ней ничего, а о мужике, что прятался в шкафу, многое.

— Да молчи ты! — шикнул дух, краснея.

— А чего молчать? — возмутилась я. — Вчера же не его наглая дамочка дурила, а какого-то горца-змееволоса.

Сказала, и дурно стало самой, потому что у мужчины, сидящего напротив, из сложной косы вдруг выбился длинный черный локон с призрачной головой змеи.

Милостивый боже, неужели он и есть тот самый?..

— Да-да, — словно бы прочитав мои мысли, простонал дух-хранитель, едва шевеля губами, — именно его и имели в виду.

— А дама, она была бы… — и замолчала на полуслове, потому что в крепко сжатых руках горца начал трескаться деревянный стол. — Или бу…? — опять проявила свой интерес и опять осеклась на полуслове. Потому что руки магистра раскрошили стол и шлепнулись на колени.

— Была бу… — понял меня дух, — а теперь уж вряд ли бу… — Нваг-нваг Севой тоже осекся под черным взглядом змееволоса. А тот как взревет:

— И вы молчали?!

Старичок предпринял попытку сбежать — исчезнуть, но взмахом руки магистр ему не позволил. Надо признать, вид у горца был настолько страшен, что мне даже стало жаль бестелесного духа, и я, подхватив сердитый возглас, тему перевела.

— А действительно, и почему вы молчите?! — С возмущением: «Что?!» призрачный хранитель учебного заведения обернулся ко мне и получил сердитое в лоб: — Что-что! — указала на испорченный стол, спросила: — А где предупреждение? Где требование оплатить в бухгалтерии ущерб, нанесенный имуществу академии?

— Так у него счет открыт на разрушения…

— Да? Тогда откройте мне долгосрочный кредит, и краны в комнате почините, и трещину на потолке… — потребовала я и приказала: — Немедленно!

Это был лучший вариант для вывода духа из подчинения вышестоящему должностному лицу, и старичок, поняв мою уловку, отчаянно взмолился, указав на досадное упущение:

— Но это не в моей компетенции!

— Да? Тогда передайте кому надо, — и, заметив его знак рукой, добавила: — лично.

— Сию секунду! — Счастливый Нваг-нваг Севой исчез, а злой горец остался.

— Куда?! Вернитесь! — взревел магистр, и из его сложной прически выпутались все змеи разом. Он быстро понял, что криком ничего не добиться, и обратил внимание на ускользающую из-за стола меня. — Как вы посмели отдать ему приказ?

— Как гостья, — пролепетала я, подтягивая к себе поднос и кося взглядом на выход. — Вторая брошюра для поступающих, пункт 9.2.1. «О гостях и их возможностях по время визита». Начинается со слов: «В случае опасности вы имеете право на незамедлительную помощь хранителя академии…»

Соскользнула со стула и сделала несколько неуверенных шагов.

— Вы что, — удивился горец, хмуря лоб, — ее наизусть заучили?

— За три дня безделья чего только в голову не придет, — отмахнулась я и, бросив поднос на чистку, сбежала.

И зря сбежала, а также зря пряталась и зря надеялась, что Нваг-нваг Севой не найдет меня за пределами академии в соседнем мрачном лесу… Нашел, поблагодарил за отсрочку разборок с магистром и вызвал в деканат. Это был не простой вызов, оказалось, что мои бумаги наконец-то приняли к рассмотрению и теперь лично со мной желает переговорить декан. Услышав об этом, я устроила забег до своей комнаты, самые быстрое переодевание и укладку волос в прическу, которая добавляла мне хоть немного лет. В противном случае меня ожидало очередное удивление и вопрос: «Деточка, ты что здесь потеряла?» Но вот сейчас, готовая к встрече внутренне и внешне, я уже предвкушала, как подпишу документы на свое зачисление и…

Дверь из пустой приемной в кабинет декана факультета Темных сил была открыта, и я застыла на пороге с занесенной для стука рукой. Потому что там, закрывая среднее из трех окон, стоял он, любитель молчаливо повзирать. Понимаю, странное слово, но очень ему подходящее.

— Милостивый боже… — Мой шепот оторвал змееволоса от созерцания парка. Он резко обернулся.

— Что такое? А, Намина, проходите.

— Ага, сейчас, — ответила я и, выждав несколько секунд, тихо взмолилась: — Только не говорите, что вы декан.

Он и не сказал, об этом объявила неожиданно появившаяся за моей спиной секретарь:

— Декан Горран, к вам абитуриентка Намина Сумеречная, примете?

— Приму. Спасибо, Сули, можете закрыть двери и быть свободны.

С-с-с-у-у-ли?!

Мороз по коже от одного лишь имени, и страшно представить, что она сзади стоит. Зажмурившись, я шагнула из приемной в кабинет, осознанно решив, что живой горец-змееволос лучше ходячего трупа. Все-таки генеральша, в пылу боя прирастившая себе конечности врагов взамен своих потерянных, для меня навеки останется живым мертвецом, собранным в складчину.

Сзади надменно фыркнули, и двери с грохотом захлопнулись, отрезая мне путь к отступлению.

— Не делайте так больше. Вы ее обидели, — пожурил магистр.

— Извините… — прошептала я.

— Извиняться следует не передо мной.

— Ах, да, — и в чистосердечном порыве я вернулась в приемную. — Сули, простите за грубость и прошу меня изви… — не договорила, найдя ее взглядом. — Ой, мама! — и мышкой шмыгнула обратно в кабинет, чуть не сбив декана факультета Темных сил. — М-м-магистр, я потом извинюсь два-а-ажды или трижды, или… — на мгновенье закрыла глаза и честно призналась: — Хотя, говоря по правде… я смогу это сделать только через год, а то и все три. Простите.

И уже ей, великой генеральше:

— Извините меня еще раз.

— Было бы кого! — фыркнула легендарная личность и не менее легендарный труп. В приемной декана что-то зашуршало, щелкнул замок, хлопнула дверь. Ушла.

Прошла минута, затем вторая, потом третья, она не вернулась, а горец не перестал взирать на меня с кривой улыбкой.

— Решено. На факультете, так и быть, оставлю. Но в некроманты не пущу, — оборвал он повисшее молчание. — Итак, что вам ближе: целители или тактики?

Я удивленно посмотрела на него:

— Почему не пустите?

— Потому что тяги к трупам нет, — отрезал Довар Горран веско и словно бы про себя: — К тому же первые курсы ведет генерал.

Произнеся это, он рукой указал на дверь приемной, и я внутренне похолодела. Генерал, не генеральша?! Это что же… Она не только ноги у поверженных забрала, но и все, что промеж них?!

Последнее, кажется, произнесла вслух. Декан, хапнув воздуха, закашлялся, а затем и рассмеялся в голос. Смех он быстро подавил и украдкой смахнул набежавшие слезы, чтобы сообщить серьезным тоном:

— Намина, учитывая вашу политкорректность, вы идете в целители. Сейчас же переедете в другой корпус общежития и ключи через Севоя передадите.

— То есть я не права, она все же женщина?! — решила уточнить.

— Идите! — хохотнул магистр.

— Но…

— Ступайте, пока я не заразился идеей на три года закрыть вас в комнате. И запомните, к Сули вам лучше не подходить. С извинениями или без, через год или через три… Никогда.

— Но… знаете, вот это уже прозвучало обидно, я ведь не со зла, а всего лишь от незнания предположила.

— Кадет Сумеречная! Или вы немедленно уходите, или я отменяю свое предложение! — Лицо его потемнело, волосы зашипели, как тысяча змей, и я в испуге бросилась прочь.

А сзади звучит веселое:

— Таррах!

Переезд свершился в тот же день под тихое бурчание духа через эхо-порт о том, что в бывшей моей комнате на привязи сидела кука. Теневая или тенюшечка, как зовут ее в народе — мелкая зловредная нежить, подчиненная против воли. Вот она-то за духом и шпионила, и мастера-водопроводчика выгнала взашей, а почему меня за три ночи кошмарами не извела, так ни он, ни декан не поняли. И, сообщив это, Нваг-нваг Севой заявил:

— Неприятное обстоятельство, своим появлением ты троим моральный ущерб нанесла, а сама осталась невредима.

— Да вы что, издеваетесь?! — возмутилась я, взявшись за неподъемную сумку.

— Как никогда серьезен. И прихожу к выводу, что либо кука с браком была, либо ты с чудом.

— С каким?

Неожиданно призрачный старичок объявился рядом со мной и в раздумье подергал свою хилую бороденку:

— Трудно сказать, но из-за чудесатости этой теневая тебя не тронула. — И хлопком ладоней дух-хранитель перенес меня в другое общежитие, ближайшую дверь распахнул, задвинул в нее мою сумку со «скарбом», приказал: — Входи.

— Но тут живут! — воскликнула я, увидев обстановку с ковровыми дорожками, занавесями, пледами на кровати и кресле у окна и даже с цветами в вазах.

— Уже не живут. Отчислена с третьего курса целителей.

— За что?

— За теневую. — Хлопком Севой собрал все-все присутствующие здесь вещи, щелчком пальцев открыл портал и пинком закинул их в неизвестное пространство, где в следующий миг раздались перепуганные вопли. И призрачный старичок сделал громоподобное сообщение: — Дульгерия Дарремия, за документами явитесь в деканат!

Еще один щелчок — портал закрылся, дух возвестил: «Теперь все твое». Всем моим оказалась абсолютно пустая комната, серая и мрачная, как тюремный блок.

— А мебель куда дели?

— На проверку ушла, вернется через час, — ухмыльнулся и исчез, и уже через эхо-порт прогремело: — «Может, через два!»

До конца дня и даже ночью, когда прибыла наконец-то немногочисленная и весьма потрепанная проверкой мебель, я, ввиду большой и чистой совести, мучилась чувством вины перед неизвестной Дульгерией. На нервной почве пропустила ужин, забыла распаковать вещи, освободить бедного Гирби и узнать расписание на завтрашний день, зато придумала длинную возвышенную речь в защиту прав отчисленной девушки. И когда на востоке забрезжил рассвет, я поставила точку в тщательно продуманном получасовом монологе, повернулась на бок, обняла подушку и решила провалиться в сон.

Как вдруг окно с едва уловимым скрипом открылось.

— Дулька, — послышалось оттуда, — Дуль, твоя кука сбежала и заказы больше не ведет. А мне трава нужна. Позарез. Слышишь?

— Нет, — ответила я.

— Как нет? — удивился неизвестный. — Ты что, с собой не привезла?

— Дульгерии здесь нет.

— Да есть ты. Вон, я тебя вижу! — возмутились в темноте, и окно скрипнуло отчетливее, словно бы гость решился войти.

А это уже наглость и нарушение личной территории, которое в академии должно караться. И где, спрашивается, Нваг-нваг Севой с его правилами и предупреждениями? Хлопком включила магический ночник, поднялась на локте, чтобы ответить: «А это не она», но, узрев визитера, заорала не своим голосом: — А-а-а-а-а!

От окна послышалось такое же удивленное «А-а-а!», но в мужском исполнении и удаляющееся, в процессе приближения к земле. Длилось оно недолго — всего семь этажей высоты, но было исполнено столь пронзительно, что мой ночник потух, а я испугалась уже не столько визитера, сколько последствий его падения. Хоть бы выжил!

Но не успела ног на пол спустить, как в окошко поскреблись…

— Дуль, трава есть? — поинтересовались хриплым голосом.

— Н-н-нету… — прошептала я.

И уже другой визитер с досадой:

— Совсем?

— Полностью! — заверила чистосердечно.

— Жаль, — ответил третий, и все удалились. Или не все, потому что снаружи вдруг спросили сипло: — А водица осталась?

— Ни капельки, — простонала невыспавшаяся я, уже мечтая встретиться с этой предприимчивой умницей и помочь ей не с возвратом в академию, а с попаданием за грань.

— А порошки? — прохрипел кто-то, вызвав у меня тихий ик.

— Нет! Ничего нет… и даже Дульгерии нет! Передайте, пожалуйста, остальным. Тут не аптека!

— Да знаем мы, — ответил уже кто-то другой и расстроенно вздохнул.

Вздохнуть-то вздохнул, но никому ничего не передал. И за следующие полчаса я только и делала, что попеременно бегала из спальни в ванную и блокировала окна, потому что эти гады срывали мои охранные проклятья, открывали створки и продолжали вопрошать: «Дуль, трава есть?» И если кто-то из них не получал внятного ответа, то начинал в окно лезть, не забывая подсвечивать себе дорогу. Оценив внешний вид некоторых из них, я поняла, что первый визитер с глазами рыбы и рогами, как у горного козла, был очень даже милым. А еще он был пусть и позарез заинтересованным в траве, но абсолютно ненастойчивым. Упал и больше не вернулся, а эти…

Спустя тридцать минут и тридцать три проклятия снаружи образовалась удивительная тишина. Ушли? Все-все? Не веря в свое спасение, я в вязь проклятий на окнах на всякий случай добавила еще два звена, постояла в середине комнаты, прислушиваясь. Вроде никого. И легла под одеяло с широко открытыми глазами. Закрывать их было страшно, так и виделись мне недо-зверо-люди в шкурах, с рогами и копытами, крыльями, отчего-то разместившимися на голове, с тремя разными хвостами, в чешуе и со складчатыми перепонками вместо рук. И вот мысленно взирая на все эти ужасы, я пропустила момент, когда в моей комнате беззвучно открылась дверь и некто закрывший собой весь проем с жаром сообщил:

— Герик, я так соскучился!

И я не то что вздохнуть, я испугаться не успела, как оказалась прижатой к кровати внушительным телом. Его голова разместилась на моей груди, а локти сжали с боков, не позволяя сдвинуться с места.

— Малышка, не отталкивай своего Кардинала, — прозвучало где-то в районе моего сердца. И оно от ужаса застучало в два раза быстрей, и это при полной нехватке воздуха.

— Ты же знаешь, как мне нужна. — Грубые руки прошлись вдоль моего тела поверх одеяла, и жар, исходящий от них, а также жадность хватательных движений я даже сквозь преграду ощутила сполна. Похолодела, судорожно всхлипнув.

— От счастья плачешь? — обрадовался неизвестный, чуть приподнявшись на локтях.

— Ап-ап-а-а-п…

Я не плакала, я ртом хватала драгоценный воздух и не могла им насытиться. А то, что глаза слезились, так это нормальное явление при такой-то тяжести. И едва высунулась из-под одеяла, чтобы воздать гостю по первое число хоть проклятьем, хоть рукоприкладством, он неожиданно постановил:

— Значит, простила, — и с довольной интонацией: — И я все-все получу!

— … ап… Шо?! — Алчный взгляд красных глазищ рассмотрела даже будучи в полуобморочном состоянии и успела выставить руки на пути его ищущих губ. — Му-мушшина, — в горле от страха запершило, — вы ош-шиблись… комнатой, кр-кроватью и кр-красав-вицей на ней.

Мои перчатки наградили серией страстных поцелуев, прежде чем, уткнувшись в ладошки носом, назвавшийся Кардиналом самодовольно изрек:

— Дулька, ты даешь шутить! Опять личину скромницы нацепила!

— Я?!

— Ну, не я же, — ответили мне, и пылающие глаза прищурились игриво, а руки гостя полезли под одеяло, вызывая волну паники и вместе с ней приглушенный вскрик.

— Меня Наминой зовут, Сумеречной. Я лишь вчера поступила!..

Но он не внемлет, ухмыляется, зараза.

— Хорошая иллюзия, и голос, и запах… А знаешь, что тебя выдает? Твоя помощница — кука! — В следующее мгновение одна горячая лапища визитера скользнула по моей груди поверх ночнушки, вторая поползла на бедро. — Ох, и отыграюсь за два месяца…

И меня стянули с подушки для удобства маневров.

Что-что? Нет, так нельзя! Если он силу применит, если попытается надавить, я же его за грань отправлю, как Тамиша, красавца-старосту класса в ведической школе! И кто знает, смогу ли в испуге обратно воротить. А если не смогу… то прощай, конспирация, прощай, учеба, здравствуйте, смертники, я ваш новый солдат.

— А-а-а! Слезь, слезь с меня немедленно!

— Еще чего. Я только прилег.

Первая пощечина пришлась по скуле, и была она смазанной и слабой ввиду испуга. Вторая по носу, а третья… Третьей не вышло, ибо руки мои перехватили с приказом: «Не чудить!»

— Иначе что?

— Привяжу, — пригрозили мне.

— Вот и все, доигрался, — прошептала я несчастным голосом и потянулась к его губам. Победный рык воителя очень быстро сменился довольным стоном, затем стоном боли, а после предсмертным хрипом, который заглушил грохот слетевшей с петель двери.

И знакомый голос прошипел:

— Да что за напасть! Не успела документы подать, а с местным Кардиналом уже в ладу!

В следующее мгновение красноглазый недотруп слетел с меня, как пылинка.

Глава 5

— Сумеречная, ты в своем уме?! — Возмущенный и разозленный Гер держал в руке бесчувственного Бруга и с укором взирал на перепуганное безобразие, у которой губы алели от жадных поцелуев. — Кардинал, может, и оборотень, но вряд ли выдержит твой эксперимент. Таррах! Ты бы хоть предупредила его, прежде чем в постель тащить!

— Я что?! — воскликнула девчонка, опалив взглядом точь-в-точь так же, как Амиддария несколько минут назад.

А ведь он только-только добился прощения за испорченные каникулы, за срыв общих планов и за внеурочный визит в дом ее отца… С трудом сумел вернуть утраченные позиции, заключить в объятия свою фурию, притиснуть к себе, ощутить упругость волнующих форм… И вдруг жар, разлившийся лавой по нервным окончаниям, дал сигнал опасности от существа столь же близкого, как кузен. И шепнув разомлевшей Амидд непростительное «Прости!», он ринулся прочь. За считаные минуты преодолел сотни километров от предгорья до столицы, пролетел через грозу, попал под град, повторно истощил свой резерв… И все это лишь для того, чтобы застать не смерть Даррея, а страстный поцелуй безобразия с Бругом.

— Проклятье! Тебя замкнули на мне… — понял метаморф тонкую издевку Эрраса Тиши и прорычал: — И что же! Теперь каждый раз от твоих обжиманий вот с этим… — встряхнул он бессознательного оборотня, — меня будет дергать?

Произнес и осознал — да, именно так и будет. Вся жизнь летит к Тарраху, а эта сидит на кровати, прижав к себе колени, всхлипывает и сипит. Мол, красноглазый сам к ней явился и решил за прошлые два месяца наверстать все-все. Хороша отговорка, да только Дао-дво прекрасно знает, что в комнаты женских общежитий просто так прийти никто не может, должно быть личное разрешение хозяйки, а также ключ или привязка, как у него, Герберта.

— Да замолчи ты! Сама пустила и целовала тоже сама!

— Я не пускала его! — и столько возмущения во взгляде и в голосе, что не поверить нельзя.

— Значит, ключ дала, — прошипел метаморф. И проверив карманы двуликого, он выудил из недр оных искомый предмет, брезгливо скривился, услышав ее: «Ап-ап! Это не я…» Ключ сломал и отбросил на стол, а Бруга за двери. Обернулся к красной девчонке, рыкнул: — И хоть бы выбрала кого другого, а не Кардинала разбитых сердец! У тебя что, на охотников за невинностью чуйка?

— Что у меня?.. — спросила дрожащим голосом, сжимая кулачки.

— Ни стыда ни совести, судя по всему, — заключил Герберт. Прошелся из угла в угол, подумал и заявил: — Значит, так, срываться с места из-за беспечных идиотов, как этот Бруг, я не намерен. И вот что тебе скажу… — Он пересек комнату и навис над испуганно застывшей малявкой. — Еще один спровоцированный тобой случай, и я не побоюсь обвинений в садизме, лично тебя высеку.

Серые глаза увеличились вдвое, голос дрогнул:

— Спро… спровоцированный, — повторила она тихо.

— Именно, — подтвердил многоликий и вышел, не посчитав нужным поставить на место выломанную дверь.

* * *

Руки дрожали, ноги дрожали, был бы у меня хвост, он бы тоже дрожал. И не потому, что первую пару вел сам декан факультета Темных сил, и не потому, что в виде подопытного материала он вывел на кафедру девяносто пять недо-зверо-людей, то есть застрявших в обороте многоликих, двуликих и прочих, а потому что перед началом занятий попросил меня встать и произнес:

— Разрешите вам представить нового кадета. Намина Сумеречная, начинающий целитель и некромант-самоучка. Надо отметить, что Намина — практик, а не теоретик, и опекается родом Дао-дво. — По аудитории, в которой собрали весь первый поток кадетов, пролетел удивленный шепоток. И горец улыбнулся, сообщая: — Так что будьте с ней вдвойне осторожны. — И уже мне: — Садитесь, кадет.

Я опустилась на стул и поняла: мне конец, потому что следом за мной коварный змееволос поднял старосту — бойкую чернокудрую девушку с серьезным красным взглядом и сообщил, в какой комнате я нынче живу. И вот после этого внимание подопытных сосредоточилось на мне, вызывая крупную дрожь. И Довар Горран не был бы бессменным деканом вот уже двадцать лет, если бы не смотрел сейчас на лица моих ночных визитеров с едва заметной усмешкой.

— А что вас так насторожило, кадеты?

— Ам… Кхм! Мы… Это… Засада! Ой, да… — послышалось от них.

— И чему же вы удивляетесь? — поинтересовался горец. — Может, тому, что вы ранее встречались? — Они молчат, и я молчу, а он продолжает издевку: — Скажем, сегодня на рассвете? Когда вы лезли в окна ее комнаты и просили водицу, порошок или столь нужную вам траву?

И вот все они вместо того, чтобы ответить: «Нет!», требовательно посмотрели на меня. А я, вопреки желанию скрыться под столом, встретила их взгляды и на общий вопрос: «Неужели ты нас сдала?» сказала:

— Магистр, они удивлены лишь тому, что в знатный род многоликих взяли на попечение простую человечку.

Я удостоилась внимательного черного взгляда, а затем и вопроса, приправленного иронией:

— Ту самую простую человечку, что сняла с чужой привязи теневую, наложила порядка двадцати охранных проклятий на каждое окно и вышибла зачарованные двери внутрь комнаты?

Последнее — заслуга не моя, но что ответить. И так, чтоб правдиво?!

— Кошмары снились, я не знала, что творю… — соврала, не моргнув глазом.

Вот так, одним махом перевела стрелки на чужую куку, не сдала парней и себя обелила от чудесатости. Пусть теперь попробуют доказать, что мои синяки под глазами — это следствие многочисленных: «Травы нет!» и «Я не Дулька!»

— Интересно, — улыбнулся горец, наблюдая за тем, как почти сотня недо-зверо-людей медленно и облегченно выдохнула. И добавил, забавляясь: — Что же вы расслабились раньше времени? Если за внеурочные визиты вас никто карать не стал, — прозрачный намек на меня, — это еще не значит, что вас не накажут за нарушение Устава академии пункт 3.5.1.

Он размял пальцы рук, и новоявленные подопытные все как один сделали неосознанный шаг назад, а декан факультета продолжил:

— Зря вы меня боитесь, учить дисциплине вас буду не я, а первый курс, — и уже нам: — Внимание, целители, у вас появилась великолепная возможность

поэкспериментировать с нарушителями, застрявшими в обороте, и вернуть им исконный вид.

— Таррах! — выдохнуло поголовье копыто-рогато-чешуйчато-крылатых и хвостатых.

— Ура! — отозвались первокурсники.

А Довар Горран между тем сообщил:

— Первая десятка кадетов, справившаяся с заданием, получит зачет в конце семестра. — Улыбнулся и добавил: — Последняя десятка также.

Мы еще не осознали щедрости такого предложения, а будущие страдальцы уже взмолились:

— Но магистр, последнее условие позволит им экспериментировать до конца семестра!

— Именно на это я и рассчитываю. Вы получите достойный урок, они — прекрасную возможность для роста, — ответил декан и хлопнул в ладони, призывая к тишине разволновавшихся кадетов. — Итак, первокурсников в аудитории девяносто шесть, подопытных почти столько же, поэтому, дорогие нарушители, разбредаемся по своим мучителям в соответствии с числовым значением на столах и ваших браслетах.

С тяжелыми вздохами и гневными взглядами подопытные исполнили приказ. Минуты не прошло, возле каждого первокурсника остановился личный недо-зверо-людь, одна лишь я оказалась без рабочего материала.

— Простите, магистр Горран, а мне никто не причитается?

— Почему же, — улыбнулся лукаво, — и для вас, Намина, нарушитель есть. Лежит сейчас в лекарской. Шестьдесят шестая палата.

Интригующее сообщение, но абсолютно неясное.

— И… мне следует отправиться к нему?

— Да, как только прослушаете задание, — ответил горец и щелкнул пальцами. На чистом полотне стены за его спиной появился текст. Его венчала надпись: «Ход воспитательно-лабораторных работ». А первыми пунктами шли опрос и взятие анализов, затем уже исследование материалов, расчет вариантов восстановления, после — зельеваренье или составление заклинания и, наконец, проведение самого опыта. И все это — исключительно ради науки — должно было записываться. Кристаллы для фиксации тут же появились на столах, а рядом с ними и инструменты для взятия проб.

Недо-зверо-люди приуныли, а целители с воодушевлением принялись за дело. Ведь первые два пункта надлежало выполнить сейчас, остальные, с позволения декана, можно было растянуть до конца семестра да еще попасть в последнюю десятку счастливчиков. Собрав в сумку, я спустилась к кафедре. Что примечательно, подопытные, стоящие в проходе, плавно уступали мне дорогу, подбирая копыта, хвосты и ласты, а последний даже перепончатую руку подал, чтобы помочь сойти со ступеней. Глянув на него, с улыбкой узнала первого из моих вчерашних визитеров, того самого, которого напугала своим истошным: «А-а-а!»

Живой.

— Кадет, подождите меня за дверью, — сказал Горран и многообещающе улыбнулся всем присутствующим в аудитории.

Мне это совсем не понравилось. И стоя за дверью, я целых три минуты морально готовилась к отражению уточняющих вопросов декана, но все оказалось напрасно. Горец, объявившись рядом, всего лишь сообщил, что он меня проводит.

— Не хочу, чтобы вы потерялись.

— Я? Почему вы так решили? — Все же за три дня блуждания по территории учебного

заведения я запомнила расположение всего, что находилось в ней и не только. Или это очередной тест? Судя по тому, что магистр только что разыграл в аудитории, он не чурается хитроумных психологических приемов.

— Потому что вам еще не был передан браслет. Держите — это ваш магический гид.

Широкий, тяжелый, холодный и железный, он оттянул мне руку и заставил прикусить губу.

— Что-то не так? — поинтересовался декан факультета Темных сил.

— Да… нет, и в то же время… — Встряхнув рукой, я все-таки высказалась, не поднимая взгляда на шагающего рядом: — Если все этот ужас носят, то и я, конечно же, смогу. Одно лишь жаль — мазь от синяков настаивается три недели.

— Не жертвенница и не тихоня. Очень хорошо, — хмыкнул магистр. — И, надеюсь, уровень вашей самоотверженности не позволит подопытному вами помыкать.

С этими словами он щелкнул пальцами, и браслет на моей руке стал меньше, сменил железо на кожаный ремешок и сверкнул россыпью аметистов, которые я с детства люблю.

— Теперь задайте ему курс, — посоветовал горец, — и бегите в палату.

— А… — хотела спросить, к чему были слова о самоотверженности, но он перебил:

— А я сейчас подойду.

И хорошо, что он задержался, подумала я, как только вошла в шестьдесят шестую палату. Столкнувшись с красным взглядом подопытного, вздрогнула, а закрепленный за мной недозверо-людь дернулся на кровати. Так называемый Кардинал разбитых сердец, коего рыжий Дао-дво вышвырнул из моей комнаты, был бел, напуган и обессилен настолько, что в попытке сбежать от меня активно шевелил ступнями и кистями, мычал от натуги, но с места сдвинуться так и не смог.

— Доброе утро, — поздоровалась тихо и медленно выпростала руки вперед. — Понимаю, что наше знакомство началось не самым лучшим образом, однако надеюсь, что мы сработаемся с вами… с тобой.

Ничего иного мне в голову не пришло. Я прекрасно понимала, что он сам виноват и получил по заслугам, однако чувство вины вновь взыграло. А все дело в том, что после ухода Дао-дво, разгневанная, я в считаные часы выдраила комнату, разобрала свои вещи, освободила Гирби, помыла и накормила его… И только после этого выглянула в коридор, где на полу все еще лежал бесчувственный Кардинал с новыми приобретениями от Герберта: шишкой на лбу и синяком на пол-лица.

Пожалев его, сняла перчатки, прикоснулась к волосам парня, желая поделиться с ним силой, и не успела. А все потому, что он очнулся и напугал меня и чуть не оглушил… Собственно, стоило мне войти в палату, как он тут же повторил утренний репертуар:

— Не приближайся ко мне! Не смей меня трогать! Ты… ты… исчадие ада! Таррах… во плоти и просто тварь! — и совсем уж истошно: — Кто пустил?! Кто…!

— Я. — В дверях показался декан, и под его тяжелым взглядом кадет замолк и замер, будто каменное изваяние. — Занятно. — И посмотрев внимательно на оборотня, а затем на онемевшую меня, горец с ироничной улыбкой произнес: — С ним вы также не знакомы?

— Нет.

— Что ж, тогда разрешите представить, — лукаво протянул змееволос и акт знакомства начал почему-то с меня: — Намина Сумеречная — человек, целитель и некромант-самоучка, поступила учиться в академию по протекции рода Дао-дво. С сегодняшнего дня и до конца семестра будет использовать вас, уважаемый кадет Тугго, в роли подопытного.

Красноглазый дернул головой, замычал тоскливо, но магистр быстро это пресек:

— Не обсуждается. — С завуалированной ехидцей он представил несчастного мне: — Бруг Тугго, оборотень. Этим утром был замечен выползающим из женского общежития. Как он проник на закрытую территорию, до сих пор неизвестно, — конечно, неизвестно, я же выбросила обломки ключа, — …однако за вторжение на закрытую территорию он лишился всего резерва и максимально ослаб.

— Так он уже наказан, — прошептала я. Все же Тугго был не просто бледным, а белее простыни. На нем даже синяк не выделялся.

— Я тоже так думал ровно до тех пор, пока наш прославленный Кардинал разбитых сердец не начал вещать о девушке… — Довар Горран замолчал, прожигая негодника презрительным взглядом, от чего тот попытался перестать дышать, а вместе с ним и я.

— Какой девушке? — спросила, холодея. Если он сейчас скажет о моем поцелуе и его действии, то прощай, конспирация, прощай, учеба, прощай… Все прощай!

— Которую он навестил поутру, решившись получить долг за два месяца воздер… — Декан факультета Темных сил глянул на меня и осекся: — В принципе, ничего у него не вышло: ни взять ни получить — как видите, кто-то досуха выпил его резерв и оставил лишь частицу силы, чтобы он мог в сознание вернуться.

На самом деле, не закричи Тугго тогда и не испугайся я — он ушел бы из общежития на своих двоих. И не лежал бы до сих пор в палате. Но что сейчас об этом вспоминать…

Мы с подопытным вновь переглянулись. Я смотрела вопросительно, он затравленно. Все понятно, будем ловеласа спасать.

— Это все кука! — решительно заявила я и, чтобы не стушеваться под очередным ироничным взглядом магистра, незамедлительно заявила: — Оголодавшая теневая сорвалась с цепи и напала на кадета!

— Безобразие! Было простое, стало форменное, — протянул горец с улыбкой и отмахнулся от наших с Бругом заверяющих кивков. Но мы не отчаялись и смотрели твердо. — Итак, продолжим. Бруг хитер, самонадеян, нагл и… — быстрый взгляд на красноглазого и ироничное: — А в данный момент еще и весьма напуган. Но сей пункт характеристики предлагаю в расчет не брать и помнить первые три. В противном случае вы, Намина, не успеете оглянуться, как он проберется в ваше сердце, жизнь, спальню, кровать.

Произнося это, змееволос в упор смотрел на покрывающегося испариной кадета и не мог не отметить, как тот дернулся, услышав последнее слово. Подметил, повернулся ко мне, ожидая ответа. Я и ответила, как и подобает недоумевающей девушке, невинно проспавшей все ужасы рассвета:

— Зря предупреждаете, в мою кровать даже клопы не лезут. Нам в ведической школе рассказали, как делать отпугивающую настойку из одуванчиков и наговор, — заговорщически сообщала я. — Так что если понадобится… — и внимательный взгляд на Тугго, который, как я надеялась, понял мой намек.

Он недоумевал всего секунду, а затем заверил:

— Не понадобится! Да я после ужасов сорвавшейся с цепи куки даже взглядом не удостою чужую кровать!

— И спальню, — подсказала я.

— Да! И ее тоже, — незамедлительно согласился оборотень.

— Что ж, вижу, что вы сработаетесь, — изрек декан с улыбкой и направился к выходу из палаты. — В таком случае не теряйте времени и приступайте к сбору анализов.

Дверь закрылась, мы с красноглазым остались одни.

— Спасибо, — прохрипел он так, словно в горле пересохло.

— Пожалуйста, — пожала плечами я, и Кардинал, не удовлетворившись ответом, решил внести уточнение.

— Спасибо за то, что не сдала, — кивнула, — и за то, что не убила, — невнятно продолжил он, вызвав у меня улыбку.

— А за поцелуй благодарить не будешь? — поинтересовалась наивно и сняла с руки перчатку.

— Нет! — Двуликий опять попытался сбежать и опять не смог сдвинуться с места. Понял тщетность своих потуг, взмолился: — Не трогай меня, пожалуйста!

— Глаза закрой и прекрати дрожать, мне тебя выдали подопытным до конца семестра. Так что заруби на носу, меня лучше всего не трогать.

— У-у-у-у! — взвыл он, крепко зажмурившись. А я аккуратно коснулась темных волос и проговорила формулу восстановления.

Протяжный стон быстро прекратился, но Тугго не спешил открывать глаза. В эти несколько мгновений я внимательно рассмотрела его. Отметила смуглую кожу, высокий лоб, тяжелый подбородок, удивительной формы уши — вытянутые вверх, черную татуировку с шеи, уходящую на спину, серебристую серьгу в ухе и шрам, что перечеркивал мускулистую грудь и скрывался под простыней.

— Интересно. — Я убрала руку от его волос и надела перчатку. — Бруг, а ты где и как застрял?

— Не понимаю вопроса, — отозвался мой подопытный. Распахнув красные глаза и задумчиво уставившись на потолок, он прислушался к себе. Проверил полноту резерва и с радостной улыбкой резко сел, а затем встал, придерживая простыню и не давая мне рассмотреть его всецело.

— Чего глазеешь?

— Ищу место для практики, — честно призналась я и начала выуживать из сумки инструментарий для взятия анализов. — Тебя бы мне не выдали, не застрянь ты в обороте. Так что признавайся, пока я сама свою догадку не проверила.

Он посмотрел туда, куда смотрела и я. Побледнел и заверил, что изменений там нет.

— Ага, и поэтому Кардинал разбитых сердец с утра рвался к Дульгерии? И это при том, что ты явно не охотник вторичных проб, а значит, пытался совместить полезное с приятным.

— А у тебя есть трава?! — успел обрадоваться кадет, подтвердив мою догадку, и с ужасом услышал решительное: «Нет!»

Я уже поняла, что некая субстанция под кодовым названием «трава» запрещена для использования, так как позволяет скрыть нарушение Устава военной академии, а именно пункт 3.5.1. Также у запрещенной субстанции есть аналоги «водица» и «порошки», и, судя по тому, что их запрашивали с неохотой, данные вещества менее действенны или имеют побочный эффект.

— Показывай, и ты послужишь науке. — И на недоумевающий красный взгляд пояснила: — Мы будем создавать разрешенный аналог вашей траве.

— Мы пытались, на это ушла куча времени, сил и денег, но все безрезультатно, — натягивая на себя простыню, стал заверять меня Кардинал. Натянул, дважды обернул вокруг тела и выставил руки вперед. — Слушай, давай я просто тебе заплачу, и мы мирно разойдемся.

— А как же оборот? Ведь ты в нем застрял.

— Ничего страшного… Неделю с ним прожил и столько же еще проживу, — заверили меня и попытались скрыться.

— А ну стой! Стой, кому говорят! — воскликнула я, вылетая в коридор вслед за несговорчивым оборотнем. — Ты мой должник, тебя магистр отдал в наказание… — а он уже скрылся за поворотом. Быстро бегает, несмотря на юбку. — Вот что за гадство?! — возмутилась в сердцах. — Неужели мне придется его преследовать?

«Преследование подопытного объекта Бруга Тугго разрешено, — мгновенно отозвался мой браслет и поинтересовался уныло: — Начать запись на кристалл фиксации?»

— Да! — ответила с жаром и чуть не осела на пол, когда над моим запястьем образовался плоский круг с изображением бегущего по лестнице оборотня, а ниже схема его движения по плану здания, точь-в-точь такая, что указывала мне дорогу к палате.

«Запись начата, приступайте к погоне», — напутствовал магический гид и замолчал, а я впервые пожалела, что не закончила ведическую школу — ее выпускницы получали метлы.

Глава 6

Герберт всегда знал, что любить змееволоску и наследницу горцев могут лишь сильнейшие. Слишком проницательная гордячка с тяжелой рукой, с вспыльчивым характером не могла быть смиренной возлюбленной и тем нравилась ему. К такой мало кто подступится и мало кто такую завоюет. А он смог. И пусть для этого пришлось пройти через ад совместных тренировок и десятки спаррингов, он в честном бою смог сломить ее сопротивление и вырвать первый поцелуй. В дальнейшем памятных шрамов от Амиддарии удостаивалась лишь его спина, а укусов — губы.

И все было прекрасно ровно до сегодняшнего дня, вернее сказать, рассвета. Когда, разобравшись с девчонкой и разукрасив ее едва пришедшего в себя хахаля, Гер с улыбкой вышел из корпуса женского общежития и попал в поле зрения своей девушки.

— Вот, значит, куда ты помчался как ошпаренный, — заломила она черную бровь.

— Амидд, не нужно драмы…

— Почему не нужно? — Отточенным движением руки она сняла с пояса плеть и расправила ее с хлестким звуком. — Потому что управился быстро, да?

— Нет. Потому что здесь учится Сумеречная, опекаемая моим родом. А замкнули ее на мне.

— Не может быть! — воскликнула разгневанная наследница горцев, испустив нервный смешок и сверкнув черными глазами. — И каков же статус у девахи? Кузина или жена?

— Невеста, — честно признался он, пожав плечами, и с опозданием понял, как поспешил.

Наверное, следовало вначале сообщить, что девчонка важна для масштабных планов грифона, затем что она рассматривалась как фиктивная невеста Даррея, после о своей глупости и только потом о роли, к которой его принудили. Но сказанное воротить нельзя, и вот теперь лежит он в тридцать пятой палате и мечтает о том, чтобы вопящие в коридоре умолкли навсегда.

— Пусти! Пусти, я против! — хрипел надрывно какой-то кадет.

— А придется, ты обязан! — вторил ему до боли знакомый девичий голос. Настолько знакомый, что даже мурашки прошлись по спине многоликого, а руки заледенели.

— Я ни на что не подписывался!

— Правильно, тебя сам декан подписал.

— Но я по незнанию ворвался!

— Зато быстро сориентировался, — ответили хрипящему. — И нечего ссылаться на хорошую личину, ты же оборотень, и человека мог под ней различить.

— Не мог я, — заскулил, кажется, Тугго.

— Лучше прямо скажи, не хотел! — предложили ему, и оборотень взвыл протяжным «У-у-у-у!»

Гер с трудом поднялся и прохромал к двери, чтобы с удивлением увидеть, как неизвестная стройняшка, удерживая Кардинала за волосы, тянется рукой к простыне на его бедрах.

— Я обознался, без травы подобное возможно, — решился оборотень оправдать себя.

— Поздно-поздно, — ответили ему, увещевая. — И не дрожи ты так, я же всего лишь посмо…

— Намина?! — Дао-дво узнал в кадете подопечную, которая мало того, что была одета в форму академии, так еще и не оставила надежды войти с оборотнем в… сговор.

— Нет, не я, — пискнула доморощенная некромантка и скомандовала Тугго: — Бежим!

Он и побежал, как пес на поводке из собственных волос, а сзади она с испуганным: «Быстрей!»

— Да я и так на всех парах… — отозвался Кардинал на втором пролете.

— Быстрей или поцелую… — пригрозила она уже на четвертом.

И надо отметить, ее мотивация была столь сильна, что оборотень споткнулся и едва вниз головой не полетел. Но быстро извернулся и, схватив Сумеречную за шкирку, побежал, не забывая придерживать сползающую простыню.

До этого момента, да и вообще, Герберт и не думал кого-либо догонять, повторно бить, то есть предупреждать о неприкосновенности некоторых безобразий. И совсем не хотел делать новый втык одной поганке, но вот теперь… Прав был Эррас Тиши, девчонка быстро нашла и подопытного и рычаг воздействия на него. В следующее мгновение за беглецами устремился ястреб — стремительный, стальной и хмурый.

Он был всего в десятке метров, когда девчонка, посмотрев назад, взвизгнула: «Нас догоняют!» и сорвала с Бруга простыню. За мгновение до того, как ткань накрыла метаморфа и оборвала его преследование, он успел увидеть, как малявка руками и ногами вцепилась в голого оборотня, а тот в испуге побил еще один скоростной рекорд на пути к общежитиям.

* * *

— И ты стеснялся мне это показать? — в который раз спросила я у оборотня, ощупывая его черный чешуйчатый хвост.

— Д-да, именно это… боялся, — ответил запыхавшийся оборотень, лежа на животе и даже в этом положении прикрывая самое ценное руками. — Я, как ты помнишь, хотел показать иное, — и укоризненно напомнил: — А чем все обернулось?

— Сам виноват, — изрекла я и выдернула пятую по счету пробу, думая о том, что надо бы осмотреть его всего, особенно спереди.

Мой подопытный оказался носителем черной крови и крылатой ипостаси. Он мог обернуться драконом. Вернее сказать, перевоплощался до того, как в обороте застрял, после чего уже только человеком бегал. К слову, бегал он хорошо, даже отменно и за сегодняшний день побил все мыслимые рекорды выносливости: вначале три часа спасался от меня, а затем еще час со мной в нагрузку убегал от метаморфа. И вот наконец-то устал, свалился в кусты жимолости и замер неподвижно. Именно тут, среди ароматных нежно розовых цветов, Бруг был окончательно мною «пойман», частично осмотрен и опрошен — тоже кое-как, ибо задыхался и, кажется, стеснялся, или же просто боялся показать самое дорогое.

Я спрятала крохотную колбочку и щипцы, которые мне браслет выдал по запросу, и строго обратилась к красноглазому:

— А теперь переворачиваемся и ручки в сторону убираем.

— Наминочка, — взмолился подопытный, — а давай я просто полежу.

— Так ты лежи, а я просто погляжу, — ответила с улыбкой, никак не ожидая, что мне на ухо иронично хмыкнут.

— Ага, еще скажи, что ты на этом остановишься.

— Рыжий! — выдохнула я с ужасом и в следующее мгновение оказалась вздернутой за шиворот.

— Спасибо! — прохрипел освобожденный от моего захвата Бруг и с низкого старта ломанулся через кусты.

— Стой! Стой, кому говорят! Я с тобой еще не закончила!

— Ты уже закончила, — отрезал Герберт, поворачивая меня к себе. — Ты с ним уже все закончила…

— Нет, я с ним только начала, — возмутилась я, взглядом отслеживая передвижения беглеца. Вот он свернул к главной аллее, вот спрятался у забора, а теперь бежит к фонтану, стараясь остаться незамеченным. — Мне кадета Тугго сам декан в подопытные выдал, как первое семестровое задание, так что…

— Ты поступила?! — раздосадованно воскликнул Дао-дво, и ворот моего кителя в его руке жалобно затрещал.

— А что такого? Тагаш Уо меня поддержал и Октован тоже… — Я решительно посмотрела на метаморфа и вздрогнула. — О, боже…

— Что? Хорош? — Он иронично вскинул разодранную бровь, и добрый десяток шрамов на лице вздулись красными линиями. Смотреть на грудь рыжего я не решилась, там все было красным.

Отвела глаза и прошептала, слабея:

— О-о-о-чень, но она страшнее. — И кивком указала за его плечо.

А там, всего в десятке метров от нас, где только что стояла красавица брюнетка в синем платье, с маленькой корзинкой в руках, появилась явная наследница горцев с темным перекошенным от гнева лицом и тысячей шипящих змей в волосах. Гостинец, который она кому-то несла, был безжалостно растоптан, живой цветок, украшавший платье, содран, а голос, который только что призывно звал Дао-дво, до неузнаваемости изменен.

— Вот что значит не моя?! — прохрипела она. — Вот что значит против воли привязан! Вынужден быть рядом! Обязан присмотреть…

— Как же ты не вовремя, — произнес многоликий и допустил ужасную ошибку — его услышали.

— Кто?! Я… или эта безродная плоская страшила, которую ты был готов растерзать!

Будь ситуация иной, я бы, наверное, обиделась на формулировку, но сейчас лишь сжалась, мечтая живой выбраться из цветущих кустов жимолости.

— Амидд, — голос Герберта был на удивление спокоен, слова просты и невольно вызывали уважение, — давай отложим этот разговор, достаточно скандала с утра.

— И поэтому ты при виде девчонки чуть ли не выпрыгиваешь из штанов! — рявкнула она.

Сказать по правде, я только сейчас обратила внимание, во что помимо вздувшихся красных полос одет рыжий. Результат осмотра оказался неутешительным, потому что на нем не было одежды.

— Вообще-то, это трусы, и весьма хорошего качества, — заверила я с высоты своей башни, все же родилась не в монастыре и штаны от белья отличить в силах. Но едва ляпнула, получила два явно ненавидящих меня взгляда — черный и карий.

— Ах, ты!.. — взвилась наследница горцев.

— Беги, — скомандовали мне и отпустили.

Бежать?! О да, это желание повторно проснулось во мне, едва я увидела измененную оборотом змееволоску, но бросить и без того израненного Дао-дво не смогла, позвала на помощь духа. Того самого хранителя академии, который давным-давно должен был прекратить эту драку, или, вернее сказать, избиение беспомощного рыжего озверевшей фурией. Многоликий отступал, стараясь увернуться от ударов ее хвоста и крыльев, но мало в этом преуспевал. Там, где были вздувшиеся красные полосы, на этот раз появилась кровь, а Севой все их не остановит ни лично, ни через эхо-порт. Безмолвствует.

— Нваг-нваг, или вы сейчас же появляетесь здесь, или я вас декану сдам! — рявкнула я в браслет, понимая, что Герберт сбежать не рискнет, и если повторно потеряет жизнь, то снова обвинит меня.

Шантаж оказался действенен.

— И как ты намерена сделать это? — полюбопытствовал призрачный старичок, оказавшись справа от меня. Постоял, посмотрел и ухмыльнулся, глядя, как черная фурия прижимает к ограде Дао-дво. — И учти, Довар Горран не любит ложь — точь-в-точь как и его незабвенная дочь Амиддария.

Дочь? Эх, а я думала, у магистра с этой ненормальной просто расовая схожесть. Ну да что с того! Подумаешь, подцепил рыжий дочь декана… а теперь вот и получает от нее. Бедолага, да что ж он терпит до сих пор?

Вдохнув побольше, заявила духу:

— Скажу, что вы у его бы… которая была бу… стащили ящик дорогого эльфийского вина.

— Вряд ли это его хоть как-то заденет, — ухмыльнулся дух. — Нигбетту магистр выдворил не только из собственного сердца, но также из квартиры, из академии и из столицы. И ничего ей не оставил.

— Но это еще не значит, что он обрадуется вашему пьянству по четвергам.

— Да не пью я вино, а всего лишь смакую пары! — возмутился старичок, дернув себя за бороденку. — И нечего шантажировать меня на каждом шагу. Я же молчу о твоей чудесатости…

И глазом косит на меня, реакцию выжидает. А не дождется!

— Моя чудесатость еще не доказана, а ваше невмешательство с попустительством очень даже процветают, — фыркнула, едва не добавив: «с самого раннего утра», и прищурилась злобно: — Так вы вмешаетесь или нет?

— Нельзя, — ошарашил меня хранитель академии и начал исчезать со словами, — пока Амидд не успокоится, трогать ее нельзя, иначе хуже будет.

— Да куда уж хуже? — возмутилась искренне, когда дерево, за которое скользнул многоликий, спасаясь от хвоста фурии, вдруг расщепилось на куски и с треском разлетелось. — Объясните хотя бы, почему он не примет оборот и сам не даст отпор.

— Потому что драки и спарринги во внеучебное время за пределами полигонов и без наблюдения кураторов запрещены Уставом академии пункт 3.5.1.

— Тот самый пункт, что отдал в мои руки кадета Тугго?

— Да. И в соответствии с которым все кадеты, принявшие оборот, застревают в обратном перевоплощении, — ухмыльнулся дух в бороденку и развел руками: — Результаты бунтарского поведения большинства ты увидела с наступлением рассвета.

Видела. Вспомнила повторно и вздрогнула, поежившись, когда еще одно дерево разлетелось на куски, а затем осыпалась и каменная горка, от которой Дао-дво едва успел

отскочить.

— И что, он так ничего и не предпримет?

— Да нет… даст остыть, а потом профессионально скрутит в последний раз. Доревновалась, безголовая, — прицыкнул дух языком и, взяв меня за руку призрачной дланью, сказал: — Пошли отсюда.

Мы исчезли как раз в тот момент, когда рыжий, увернувшись от хвоста, оказался за спиной фурии и крепко обнял уже не крылатую зверюгу, а истерично вопящую девицу с растрепанной шипящей прической.

И видение, где многоликий, как ледник, усмиряет бушующий в брюнетке огонь, еще бы долго стояло перед моими глазами, не закинь меня Нваг-нваг в комнату к Бругу как раз в тот момент, когда мой беглец вышел из ванной во всей своей неприкрытой красе.

— Ух, ты… Как я вовремя, спасибо Севой! — просияла я, на расстоянии осматривая новую область для взятия проб. Область была внушительной и уникально оформленной — с гребнем у основания и двумя плавниками с боков. Изящно.

— Намина?! — взвыл красноглазый, руками прикрывая наготу и красоту. — Что ты тут делаешь?

— Тебя жду и думаю. Знаешь, получи я в обороте все вот это, — указала на спрятанное, — я б на твоем месте тоже бегала.

Мгновение он осознавал только что сказанное, а потом как взревет:

— Это все мое, без изменений!

— Да? — Наивный взгляд и взмах ресниц.

— Да, — улыбнулся двуликий, явно думая о произведенном на меня впечатлении, и обязательно положительном.

— Правда-правда?

— Правда, — заверяет оборотень и, убрав руки от бесценного, плавно пошел на меня. Как Кардинал разбитых сердец, как истинный захватчик, мягко, с предвкушающей ухмылкой.

— Хорошо. — И приказав браслету предоставить мне новый набор для анализов, провозгласила: — В таком случае дальше работаем без возражений.

И в ответ мне раздалось протяжное: «У-у-у-у!»

Ровно через пятнадцать минут и тридцать три секунды я вышла из комнаты Бруга с самым довольным видом, а он, лежа на кровати, старался не выть от испуга. И ведь сам виноват, дергался, когда я пыталась срезать кожицу с плавника, и трижды чуть не лишился достоинства. После получил коленом по самому ценному, опять-таки ввиду собственной невнимательности и порывистости — повторно хотел сбежать. И вот после всех процедур я, весело напевая, выхожу из мужского общежития, а сзади слышится:

— Ничего себе первый курс…

— Заморила самого Кардинала!

А после всех гонок по академии я успела даже на последнюю пятую пару, правда, ничего нового для себя не узнала. Оказывается, то, что в ведической школе повторялось в старших классах — выжимки со всех предыдущих лет, преподавалось и здесь. И молоденькая нимфа аспирант в черном мундире, диктуя нам основы основ, ни на шаг не отступила от давно зазубренного мною материала. Что-что, а оказание первой помощи при отравлении, ожоге, переломе, утоплении и угнетении дыхания с остановкой сердца я знала столь же хорошо, как и купирование смерти в теле мелкой нежити. И если первое практиковать не пришлось, то второе очень даже часто, и это помимо простенькой формулы восстановления

из старого талмуда некромантов. Как ни странно, но знания темного искусства в домашних условиях я использовала чаще, чем целительство.

Только я самообразованием занялась, как люди в моей деревеньке забыли про плач о спорынье в зерновых, падеже скота, покраснении воды в колодцах или же страшном неурожае. И под эгидой моего отца сразу экипировались для войны с нежитью и шли по следам тварей в лес. Ибо, согласно старой поговорке: «Бороться нужно не с последствиями, а с причиной». Не прошло и года, как из близлежащих земель наши деревенские выгнали одну горгулью, трех подземных собак, стаю мглистых волчков и даже оборотня-ворона, что на исходе лет решил пожить за счет деревни. А сколько теневых изгнали — видимо-невидимо и среди них одно заплутавшее лихо. С тех пор предложение умертвить смертьнесущую отцу более не поступало, и я, судя по всему, научилась неосознанно освобождать тенюшек. Иначе как объяснить то, что меня после пар голодными воплями встретил не лемур, а прибившаяся кука?

Лопоухая тупомордая нежить, отдаленно напоминающая змею, отрастившую себе две лапы, была отвратительно тощей и отчаянно радостной. Настолько отчаянно, что не заметила ни заклинания, соскользнувшего с моих губ, ни веника в одной моей руке, ни плетения некроманта в другой. Увильнув от магических пут, проскользнув под полетевшим в нее веником, разбив ушами едва сотворенную ловушку, она вцепилась в мою кисть лапами, обвила запястье хвостом и, прижав уши, жалобно заглянула мне в глаза. И выглядела она в этот момент точь-в-точь так же, как «умирающий от голода» лемур.

— Не поняла… — прошептала я, переводя ошеломленный взгляд с нежити на смущенного питомца: — Гирби, паразит, это ты ее научил?!

В ответ он прикрылся хвостом и в молитвенном жесте лапы сложил.

— Зараза! — возмутилась я, потрясая той самой рукой, в которую вцепилась теневая. — Сам научил, сам и кормить будешь… Кровью! Понял?

От моего вопля зверек попытался окончательно скрыться за хвостом, а кука истерично запищала.

— Чего? — удивленно посмотрела на лопоухую и попросила: — А ну, повтори.

Она и повторила, но вместо надлежащего ей шепотка раздался писк, переходящий в слезливый сип. Бедолага изголодалась настолько, что и слова не может сказать. И не успела я даже жалости своей осознать, как над головой раздалось ворчливое:

«Прикорм нежити в стенах учебного заведения строго воспрещен! Кадет Намина Сумеречная, уплатите в бухгалтерии двадцать медяков».

— Но я ее еще не кормила!

«А посмотрела жалостливо», — ответили мне через внутрикомнатный эхо-порт.

— А как же долгосрочный кредит на мое имя? — напомнила хранителю академии наш первый разговор и таки погладила притихшую лопоухую тварюшку.

— Неужто хочешь все на куку спустить? — возмутился призрачный старичок, объявившись рядом. — Лучше отдай Геру, он ее без жалости прибьет. — И на мой возмущенный вопрос: «Да как же так?!» пояснил с улыбкой: — Ему это третья степень разведчика разрешает.

— Разведчик, третий курс? — спросила с надеждой, потому как вспомнила из брошюры, что им нежить позволительна и даже похвальна, если ту приручить удалось.

— Курс второй, а степень третья, — горделиво сообщил дух и выпятил впалую грудь. — Достойный ученик и пробивной… аж противно. Какую цель ни поставит, всего достигает.

— А вам-то что? Молодец парень, учится.

— Что-что… — проворчал Севой. — Проигрался я в пух и прах из-за него. Вначале проспорил, что поступить он не сможет, затем, что девчонку из воительниц не охмурит, после, что со второй на третью ступень за год не взлетит. А он, бестолочь ретивая, на бюджет пробился, еще и стипендию выцапал, на дочку деканскую позарился и ее получил, а после всего еще и третью степень развил за полугодие.

Купить полную версию книги